

Ирина Градова

Убийство ДНК

Новый
роман

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Кабинетный детектив

Ирина Градова

Проклятие ДНК

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Проклятие ДНК / И. Градова — «Эксмо», 2023 — (Кабинетный детектив)

ISBN 978-5-04-176540-8

Лера Медведь выбрала тяжелую профессию под стать фамилии: она следователь. Пока не очень опытный, но точно станет прекрасным специалистом, когда научится обуздывать свой вспыльчивый характер и станет менее категоричной. Красавец и богач Роман Вагнер ей не понравился сразу, и Лера была готова поверить, что именно он совершил убийство, которое она расследует. К тому же этот Роман крайне странный и подозрительный тип с загадочным диагнозом. Лерино первое впечатление, улики – всё указывает на него как на преступника. Но, может, всё не так просто? Следователю придется узнать легенду о родовом проклятии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176540-8

© Градова И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Ирина Градова

Проклятие ДНК

© Градова И., 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Звуки веселой французской песенки, слишком легкомысленной, чтобы всерьез претендовать на произведение музыкального искусства, разливались по просторной зале, где стояло роскошное «беккеровское» пианино с подсвечниками, удобно расположенными по обе стороны от сидящего за ним молодого человека с кудрявыми бакенбардами. Голова его была поднята, а влюбленный взгляд устремлен на исполнительницу шлягера, усердно выводящую незамысловатую мелодию. Остальные слушатели сидели полукругом и внимали пению, испытывая самые разнообразные чувства – от восхищения до плохо скрываемой ненависти. Надо ли говорить, что первые принадлежали к мужескому полу, тогда как вторые – к противоположному? Возможно, аудитория была бы более единодушна в восприятии «прекрасного», будь Аннушка Гурина по-настоящему талантливой певицей. К сожалению, голосок у нее был весьма неровный, и она чересчур уж старалась не сбиться с ритма и тональности, отчего походила на ученицу, старающуюся угодить учителю. Однако, не обладая певческим талантом, Аннушка в полной мере имела другой, гораздо более очевидный: она была хороша, как орхидея, такая же экзотичная, прихотливая и завораживающая своей красотой. По этой причине присутствующие мужчины склонялись к тому, чтобы простить ей кое-где нарушавшую мелодию легкую фальшивость, в то время как дамы замечали каждую неточность и не слишком рьяно прятали усмешки за веерами.

– Великолепно! – наперебой закричали кавалеры. – Чудесно! Брависсимо!

Дамы были более сдержанны в выражениях восторга. Они не могли вовсе промолчать, а потому делали вид, что поддерживают мужскую половину слушателей, однако саму Аннушку Гурину интересовал лишь один – тот, который как раз и отсутствовал в зале.

– Но где же наш гостеприимный хозяин? – громко спросила она, чуть приподняв прекрасно очерченные брови. – Сказал, что отлучится не дольше чем на четверть часа, а его уж минут сорок как нет!

– Вот-вот! – поддержала ее высокая блондинка, пышные формы которой были туго затянуты в темно-синее атласное платье, сшитое по последней парижской моде, но совершенно ей не подходящее ни по фасону, ни по цвету. – Невежливо приглашать гостей и бросать их на произвол судьбы!

– Вы не правы, Нинон! – возразил полный молодой человек, который аккомпанировал Аннушке на пианино. – Наш Генрих – гостеприимный хозяин: только взгляните, сколько всего он нам тут оставил для услаждения языка и желудка!

И правда, на столиках, расположенных вдоль стены с высокими окнами, стояли всевозможные яства: осетровая икра в хрустальных вазочках искрилась блеском черных бриллиантов, лососина, нарезанная тонкими ломтиками и соседствующая с паштетом из гусиной печени на расписном фарфоровом блюде, вызвала обильное слюноотделение, стоило лишь на нее взглянуть. В ведерках со льдом исходили испариной бутылки шампанского, и молодые люди, судя по раскрасневшимся лицам, уже успели воздать ему должное. Однако Аннушка была недовольна: она находилась здесь исключительно из-за хозяина поместья, и его отсутствие делало вечер буквально невыносимым!

– Где же Генрих? – капризно спросила она, надув губки, отчего ее личико сделалось еще более милым.

– А правда, где? – вскинул голову молодой князь Покровский. – Эй, кто там... Платон, кажется?

Польщенный тем, что барин запомнил имя столь незначительной персоны, лакей, дежуривший у стола, чтобы по первому требованию наполнить бокалы гостей или положить им икры или рыбы, склонился в подобострастном поклоне.

– Куда же подевался твой барин, Платон? – повторил свой вопрос князь. – Где его, с позволения сказать, носит?

– Батюшке Генриху Ивановичу доложили о поимке конюха Прохора, ваша милость, – сообщил лакей елейным тоном.

– Что еще за Прохор? – нахмурился Покровский. – И за каким чертом это интересно Генриху Ивановичу, а?

– Барин всегда сам решает проблемы с крепостными, ваша милость, – он никогда не перепоручает разбираться с ними управляющему!

– Да какие проблемы могут быть у конюха?! – изумился князь, махом опрокинув в себя содержимое бокала и протянув тот Платону за новой порцией.

– О, проблема большая, ваша милость! – понизив голос до полусшепота, ответил лакей. Весь его вид говорил о довольстве тем, что господин с ним разговаривает, а также о сознании собственной важности, ведь он действительно имеет что ему сообщить! – Дело в том, что конюх Прохор влюбился в девушку Ольгу, что в прислужницах у матушки хозяина...

– А, так тут любовь замешана! – перебил слугу Покровский. – Не думал, что в поместье моего друга кипят такие страсти! Ну, и что та девушка, Ольга-то?

– Она тоже, ваша милость, вроде в конюха втрес... влюбилась то есть, и они попросили благословения у матушки Генриха Ивановича.

– Так в чем проблема-то? – пожал плечами князь. – Поженить их, да и дело с концом!

– Но Ольга обещана нашему управляющему! – возразил лакей. – Он уже и выкупил ее у барыни, понимаете, ваша милость? Денег целую кучу отвалил!

– А-а, – протянул Покровский, постепенно утрачивая интерес к истории. – И что?

– Ну, Прохор решил бежать. С Ольгой-то – бежать, понимаете?

– Бежать? – вновь встрепенулся князь: это уже становилось по-настоящему занимательно! – Неужели он решился?!

– Да вот решился, ваша милость! – сокрушенно покачал головой Платон. – Вчерась сбегли они, с Ольгой сбегли! А сегодня их поймали!

– И что, накажут теперь?

– А как же, еще как накажут – барин-то наш, Генрих Иванович, терпеть такого позора не станет, храни его Господь!

– И как накажут?

– Не мое это дело, ваша милость, не лакейское, – внезапно опустив глаза, пробормотал Платон. – Как сочтут нужным, так и накажут!

– Так Генрих Иванович что, сейчас там, с этим... с Прохором с этим?

– Видно, так.

– Так пойдем, что ли, поглядим на расправу? – предложил Покровский, оборачиваясь к приятелям и дамам, как оказалось, уже некоторое время внимательно прислушивавшимся к их с лакеем беседе. – Все потеха, какая-никакая!

Дамы почти одновременно наморщили носики.

– Фи, Антон Григорьич, вот уж развлечение так развлечение! – воскликнула Ниночка Уварова, или Нинон, как все ее называли. – Ну что может быть интересного в наказании крепостных?

– А пошли! – не обращая внимания на ее слова, отреагировал на предложение князя молодой помещик Марусев. – Чувствуете, дымом вроде тянет?

Остальные присутствующие потянули ноздрями.

– Точно, пахнет! – кивнул Покровский. – Идем!

Гости, раззадоренные романтической историей крепостных, вышли из дома и направились на запах дыма. Во дворе, образованном жилыми бараками с одной стороны и конюшнями – с другой, их взорам предстало пугающее зрелище. Посреди двора, напротив друг друга, стояли два шеста, к которым были привязаны мужчина и женщина. Вокруг пылали костры, освещающая лица сбившихся в кучу крестьян и домовых слуг. На них читались самые разные эмоции, но преобладали ужас, растерянность и обреченность. Между столбами, одетый лишь в бриджи и белую рубашку, стоял хозяин поместья, барон Генрих фон Вагнер. Отблески огня плясали на его смоляных волосах и придавали темным глазам красноватые блики, словно в самой глубине его существа тлели раскаленные уголья. На губах его играла улыбка, а в руке был зажат длинный кнут. В другой руке он тоже что-то держал, и Аннушка, сделав пару шагов вперед, попыталась разглядеть этот странный предмет. Он показался ей похожим на какого-то пушистого зверька, но позже девушка разглядела получше, и ее глаза расширились от ужаса: это оказалась длинная русая коса! Она перевела взгляд на привязанную к столбу женщину: ее волосы были коротко обрезаны и топорщились сзади неровными прядями. Несмотря на то, что лишилась самого главного своего украшения, она была красива: на смертельно бледном лице выделялись огромные серые глаза, в которых в данный момент, словно в прозрачных горных озерах, плескался страх, а губы ее дрожали, но она будто бы боялась расплакаться. Мужчина, привязанный ко второму столбу, находился в гораздо более плачевном состоянии: холщовая рубаха висела на нем клочьями, пропитанными кровью, в огромных прорехах виднелось тело, на котором не осталось ни одного живого места. Трудно было что-то сказать о его внешности, так как лицо его походило на багрово-синее месиво.

В какой-то момент толпа крепостных отхлынула, выпуская из своих недр очень старую женщину с растрепанной гривой седых волос.

– Остановись, барин! – закричала она. – Аль ты Бога не боишься?! Отпусти этих несчастных, они уже достаточно наказаны!

– Это еще кто? – удивленно спросил фон Вагнер, обращаясь к стоявшему неподалеку управляющему.

– Не извольте беспокоиться, Генрих Иванович, – ответил тот. – Анфиса это, на выселках живет, в хижине, что раньше охотничьим домиком служила. Безвредная она... Хотя некоторые ведьмой ее считают, – добавил он едва слышно, вовсе не уверенный, что хозяину стоит это знать.

– Убери это старое пугало! – приказал барон.

– Не бери греха на душу, барин! – возопила старуха, делая шаг вперед. – Остановись, пока не поздно, иначе прокляну!

– Пошла вон, ведьма! – рявкнул Генрих. – И радуйся, что тут нет третьего столба!

– Будь ты проклят, изверг! – выплюнула старуха, воздев к небу узловатые руки. – Ты на себе ощутишь гнев Господень: будешь чувствовать всю боль тех, кто рядом с тобой, и страдать так же сильно, как они! Проклятие мое падет на всех твоих потомков до десятого колена, так и знай!

Фон Вагнер откинул красивую голову назад и громко расхохотался: в почти полной тишине, нарушаемой лишь треском костров, этот звук показался присутствующим зловещим и сравнимым с раскатами грома, предвещавшими грозную бурю. Вдоволь насмеявшись, он посмотрел на управляющего и, не говоря ни слова, кивнул. Управляющий подскочил к старухе, схватил ее за волосы и одним движением опрокинул на землю. Не в силах дальше наблюдать за зверствами, Аннушка, закрыв лицо руками, кинулась прочь. Фон Вагнер не обратил на ее

бегство ни малейшего внимания. Словно Люцифер, вырвавшийся из-под земли, куда низверг его Господь, стоял он среди пылающих костров, и глаза его пылали тем же адским пламенем.

* * *

Лера кинула тоскливый взгляд в окно – там, за ним, текла жизнь, люди торопились по своим делам, планировали пятничный вечер и, возможно, выходные. А ей ничего не оставалось, как сидеть за столиком напротив самого скучного человека в мире и слушать его нудные рассказы о котировках акций, падении цены биткоина и необходимости вкладывать сбережения в золото. Господи, да если б они у нее были, сбережения! Мама постоянно твердит, что нельзя жить без накоплений, но лучше бы ей помолчать: до тех пор, пока ее младшая дочь Эльвира не вышла замуж за состоятельного человека, она жила на одну зарплату и едва-едва дотягивала до следующей! Теперь-то, конечно, Элька подбрасывает ей ежемесячно на всякие расходы, платит за поездки на отдых и прочие развлечения. В принципе, мать могла бросить работу, но тогда ей негде было бы «выгуливать» красивые наряды, которые также доставались ей от младшей дочери: Эля не надевает одни и те же тряпки дважды! А вот от старшенькой маме никаких дивидендов: ее зарплату нельзя назвать совсем уж маленькой, однако никакой особой роскоши Лера позволить себе не может, чем весьма огорчает родительницу, мечтающую, чтобы обе дочурки оказались удачно пристроены. Поэтому время от времени маман устраивает старшей дочери сюрпризы: то внезапно приглашает заскочить на пару минут «по неотложному делу, которое невозможно обсудить по телефону» – и тогда в ее квартире, совершенно случайно, оказывается неженатый или разведенный сын какой-нибудь ее приятельницы, мечтающий познакомиться с Валерией, «о которой он столько слышал» от своей мамы, которая, надо сказать, ее в глаза не видела. Видимо, дети мужского пола у маминых подруг закончились, поэтому она обратилась к младшей дочери с просьбой найти для сестры подходящую партию. И Эля нашла Николая, управляющего филиалом крупного банка. Его отец входит в совет директоров, поэтому молодой человек вправе ожидать головокружительной карьеры в ближайшие десять-пятнадцать лет. Все его будущее, судя по его же собственным словам, написано до мелочей и предсказуемо до тошноты! Не то чтобы Лера обожала непредсказуемость и неожиданности, но, должно быть, очень печально точно знать, что с тобой произойдет завтра, послезавтра, в Новый год и в каждый последующий... Скука смертная!

– Вы ничего не едите, – заметил ее визави, глядя на почти нетронутую форель под белым соусом на ее тарелке. Тарелка была необъятных размеров, а кусочек рыбы – маленьким и вовсе не таким уж аппетитным, как можно было ожидать от столь пафосного ресторана. – Невкусно?

– Да нет, просто я не голодна, – пробормотала Лера. Ей вдруг стало стыдно: она критически отнеслась к своему кавалеру еще до их встречи, и Николай не понравился ей с первого взгляда, но ведь он заехал за ней на машине, подарил роскошный букет и привел в отличное место, куда она вряд ли попала бы сама – разве он не заслуживает хотя бы уважения? И Лера попыталась нацепить на лицо заинтересованное выражение, надеясь, что она не такая уж плохая актриса и ее спутник проглотит эту «утку». Так и вышло: Николай оказался достаточно толстокожим, чтобы удовлетвориться ее объяснением и сказать:

– Тогда, может, десерт?

От десерта Лера не отказывалась принципиально. Все вокруг сидят на диете, Элька тратит кучу денег и времени на спортзал и модного диетолога, обслуживающего звезд театра и кино, а мама не устает напоминать, что, если дочь желает выйти замуж за приличного человека, ей следует следить за фигурой и всегда быть в хорошей форме. Но Леру, в отличие от стройной и даже хрупкой сестры, господь одарил высоким ростом и широкими плечами, поэтому она не претендовала на звание «Мисс Изящество», полагая, что занятия боксом и боевыми искус-

ствами дадут ей право считаться спортивной девушкой. А вот отказывать себе в маленьких радостях она не собиралась, и сладости стояли на первом месте в их ряду!

– Здорово, когда девушка не боится поправиться, – заметил Николай, когда Лера в один присест умяла кусок яблочного штруделя, корзиночку с кремом и эклер, обильно политый темным шоколадом.

Она взглянула на него с подозрением – издевается или взаправду так думает? Однако на пресном, невыразительном лице кавалера не отразилось никаких эмоций.

Николай Кудряшов был среднего роста, но сидя это не так заметно. Несмотря на то что, по словам Эли, ему недавно исполнилось тридцать, его светлые волосы уже начали редеть на макушке, а на лбу явственно обозначились залысины. Длинный нос, тонкогубый рот и безвольный подбородок довершали малопривлекательный образ «мужчины мечты». Единственным, что слегка компенсировало внешность Николая, были глаза – не особо большие, но красивого серого цвета и миндалевидной формы, какую вряд ли ожидаешь встретить у человека с чисто русской фамилией. Лера и не ожидала, что ее спутником на вечер окажется красавец – совсем наоборот, красавцев она недолюбливала, считая, что они используют собственную внешность лишь с целью «клеить» представительниц противоположного пола. Более того, они уверены, что красивый экстерьер позволяет им рассчитывать на благосклонность любой женщины – она просто обязана растаять от их неотразимости и превратиться в желе! Однако Лера предпочла бы, чтобы лицо Николая было несколько более выразительным, а речь – чуть более внятной и не такой монотонной: порой ей сложно было разобрать, что он говорит.

– Что-то я все о себе да о себе! – неожиданно спохватился он спустя сорок пять минут сольного выступления. В уголке Лериного мозга шевельнулась робкая надежда: может, все не так безнадежно? – Ваша мама рассказывала, что вы работаете в Следственном комитете... следователем?

– Верно, работаю, – кивнула Лера, закидывая в рот последний кусок пирожного.

– Интересно, наверное?

– Временами. По большей части рутина.

– Вот и у меня так же! – обрадовался он и снова загундел о том, как успешен в делах, как им гордится отец и какие блестящие перспективы ожидают его через несколько лет. Очевидно, Николай решил, что двумя ничего не значащими вопросами он составил о Лере полное впечатление, придя к выводу, что она ему не интересна. Она уже раздумывала, как бы повежливее извиниться и слинять, когда зазвенел сотовый – слава богу, ей хватило ума его не отключить! Лера схватилась за телефон, как утопающий за спасательный круг. На экране высветилось имя подполковника Аллы Сурковой, замуководителя Первого следственного отдела Первого управления по расследованию особо важных дел. Карьера этой женщины была для Леры образцом того, к чему надлежит стремиться, и она точно знала, что Алла сделала ее не «через постель», а исключительно благодаря уму, интуиции, умению выстраивать отношения как с вышестоящим начальством, так и с коллегами, а также немалой толике везения. Кроме того, на взгляд Леры, Суркова была настоящей красавицей. Правда, она не вписывалась в современные каноны красоты и не соответствовала модельным параметрам, однако Лера полагала, что вкусы, навязываемые СМИ и поп-индустрией, преходящи, а настоящая красота – вне времени. Возможно, Алла Суркова не вышла ростом и у нее определенно есть несколько лишних килограммов, однако ее лицо с гладкой белой кожей, потрясающие зеленые глаза и короткая, аккуратная шапка блестящих черных волос неизменно привлекают внимание даже тех, кто предпочитает длинноногих блондинок с подиумов. А уж пышная, высокая грудь Сурковой была предметом черной зависти Леры, которую мама иногда, в порыве откровенности, называла «плоскодонкой»... Интересно, с чего бы начальнице ей звонить?

– Добрый день, Лерочка! – поздоровалась Суркова своим низким, бархатным голосом: мужчины от такого тембра, должно быть, тают, как пломбир, и растекаются по поверхности! – Вы уж простите, что беспокою вас в выходной день...

– Ничего-ничего, Алла Гурьевна, – перебила Лера, прикрывая трубку ладонью и бросая быстрый взгляд на Николая. Тот тоже достал телефон и принялся что-то в нем изучать, не выказывая ни малейших признаков нетерпения. – Что вы хотели?

– Видите ли, я завалена работой, а тут Дед... то есть Кириенко, попросил заняться одной небольшой проблемкой.

Леру позабавило то, как Суркова исправилась, назвав начальника Следственного управления Дедом, – все прекрасно знают его прозвище и за глаза между собой не называют никак иначе!

– Что за проблемка? – заинтересовалась Лера.

– Одна знаменитость... Вера Сокольская – может, слышали?

– Это певица, что ли, которая сейчас в ледовом шоу по телику?

– Точно! Так вот, она сбила человека на машине, и он попал в больницу.

Лера сдержала разочарованный вздох: ей-то подумалось, что Суркова предложит что-то интересенькое, какое-нибудь заковыристое дельце вроде тех, что расследует сама, а тут – банальный наезд! И почему вообще СК должен заниматься такой ерундой?! Конечно, если Кириенко просит...

– Что от меня требуется, Алла Гурьевна?

Голос Леры прозвучал холоднее, чем она планировала, поэтому неудивительно, что собеседница на другом конце линии ответила не сразу, недоумевая, что вызвало смену тона.

– Опросить пострадавшего, – ответила наконец Суркова. – Если, конечно, он в состоянии давать показания. Выяснить, насколько велика вина певицы, и, если удастся найти свидетелей, поговорить с ними.

– Я правильно понимаю, что крайне нежелательно, чтобы виновницей ДТП оказалась Сокольская?

Лера тут же пожалела, что не прикусила свой длинный язык до того, как открыла рот, потому что теперь уже в тоне Сурковой звенел лед Ладожского озера.

– Нет, Лера, вы неправильно понимаете! Я не стала бы просить вас о таких вещах, и мне жаль, что у вас возникло подозрение...

– Простите, Алла Гурьевна, я ошиблась! – поспешила оправдаться Лера, проклиная себя за несдержанность и поспешность – ну да, водится за ней такой грешок, хоть она много раз говорила себе, что пора уже поумнеть!

– Так вот, – продолжила Суркова, смягчив тон, – к Кириенко обратился продюсер певицы, опасаясь, что общественное мнение «распнет» ее еще до того, как все станет ясно: вы же знаете, как журналисты и блогеры любят такие новости!

Лера знала – как и вся страна, мало-мальски интересующаяся происходящим вокруг. Люди убеждены, что богатым и знаменитым все дозволено и что они-то уж точно избежат наказания в случае чего. В сущности, общественность права: машина правосудия работает в пользу тех, у кого хорошие адвокаты, а они стоят немало! Несколько недавних показательных судов и приговоров призваны были охладить пыл СМИ, яростно кинувшихся на защиту жертв подобных преступлений, и остудить гнев народный, однако это вряд ли могло кого-то обмануть: даже за решеткой сильные мира сего ведут почти такую же роскошную жизнь, что и на свободе!

– Если она виновна, – продолжала между тем Суркова, – я доложу начальству, и ваша миссия на этом будет окончена.

– А если нет?

– Тогда и посмотрим. В любом случае огласка на данном этапе помешает делу, поэтому я обращаюсь к вам в надежде на конфиденциальность и оперативность.

– Спасибо за доверие, Алла Гурьевна, – искренне сказала Лера.

Повесив трубку, она посмотрела на Николая – казалось, его ничуть не беспокоило ее продолжительный телефонный разговор: он пялился в экран своего сотового и время от времени довольно хмыкал.

– Прошу прощения! – громко произнесла Лера, привлекая его внимание.

– А? – переспросил Николай, с видимой неохотой отрываясь от гаджета и поднимая на нее глаза. – Важный разговор?

– Чрезвычайно важный. На самом деле мне пора – на работу вызывают!

Лера даже не пыталась скрыть радость от того, что скучное, бесполезное свидание окончено.

– А как же кино? – попробовал было возразить кавалер, но Лера только плечами пожала:

– Очень жаль, но у меня нет времени! Спасибо за чудесный, гм... В общем, спасибо!

С этими словами она, словно молодая гончая, взявшая след, рванула к выходу из заведения. Николай тяжело вздохнул, окинул тоскливым взглядом опустевшее место напротив и вернулся к просмотру видео на «Ютьюбе».

* * *

Лера ожидала увидеть на больничной койке кого угодно, но только не двухметрового красавца с оленьими глазами – его не портили даже плотная повязка на голове, пластырь на подбородке и парочка живописных кровоподтеков. Он представлял собой тот тип мужчин, какой Лера ненавидела всей душой: хозяин жизни, у ног которого особи противоположного пола укладываются в штабеля просто потому, что он такой великолепный! И неважно, что он, возможно, не зарабатывает денег, не имеет собственного жилья и двух слов связать не в состоянии. Значение имеет другое: на лицо его можно смотреть без конца, как на воду или огонь, если перефразировать известное английское изречение.

Лере не удалось встретиться с лечащим врачом потерпевшего, так как тот совершал обход, но она ни на секунду не усомнилась в том, что у парня нет серьезных повреждений: скорее всего, он из тех «прыгунов», что кидаются под дорогие машины с целью получить материальную компенсацию с их владельцев. Возможно, он знал, что авто принадлежит Вере Сокольской? Ее показывают по телевизору, она участвует в различных шоу и вряд ли захочет, чтобы ей начали перемывать косточки из-за аварии, в которой пострадал человек. При столь смазливой внешности парню ничего не стоит разжалобить и врачей, и полицейских, а если Сокольская откажется платить – отправиться в путешествие по телеканалам, где он найдет сочувствие и понимание в тот же момент, как устремит на редактора телешоу свои темные и блестящие, как маслины, глаза, осененные ресницами, которым позавидовала бы Анастасия Волочкова! Так что, несмотря на то что Лера дала себе слово действовать сдержанно и профессионально, она не могла заставить себя казаться доброжелательной. Мать и сестра постоянно упрекают ее в том, что она слишком быстро выносит суждения, не удосужившись разобраться в ситуации до конца, а потому ей часто приходится впоследствии извиняться за скоропалительные выводы и предвзятое отношение. Лера пыталась бороться с собой, и иногда у нее даже получалось, но сейчас она испытывала стопроцентную уверенность в том, что не ошибается относительно потерпевшего.

– Доброе утро! – буквально пролаяла она, приблизившись к его койке. Другие три оказались свободны – скорее всего, пациенты отправились на ужин. – Я из Следственного комитета!

Парень молча смотрел на нее, и Лера вдруг ощутила дискомфорт от его оценивающего взгляда. Интересно, какое впечатление она на него произвела? Она тут же отбросила эту мысль

и постаралась засунуть ее в самый дальний уголок своего мозга – в конце концов, какая разница, что о ней думает этот хлыщ?!

– Я должна опросить вас насчет аварии, – уже менее уверенно добавила Лера и, придвинув стул, уселась поближе к пострадавшему. – Расскажите в деталях, как все произошло, ладно?

– Я ничего не помню, – после короткой паузы ответил парень. Лера очень надеялась, что голос у него писклявый или, наоборот, хриплый и неприятно режущий слух, но ее постигло жестокое разочарование: тембр собеседника оказался под стать его внешности!

– В смысле, не помните аварию? – решила уточнить Лера, не ожидавшая такого поворота.

– В смысле – ничего не помню. Вообще.

– Э-э... – У него амнезия, что ли? Вот это да... И как-то не вяжется с версией, которую она выстроила в своей голове! – А имя свое вы можете мне сказать?

– Если бы помнил, непременно сказал бы, – с неприкрытым сарказмом ответил потерпевший.

– Хорошо, я попробую вам помочь. Вы попали в аварию. Вас сбила машина...

– Мне уже сказали, спасибо.

– За рулем находилась Вера Сокольская...

– Кто?

– Хотите сказать, что не знаете ее?

– Впервые слышу. А что, она знаменитость какая-то?

– Типа того... Она хочет узнать, что может для вас сделать. Вам что-нибудь нужно? Лекарства, может? – Это была чистой воды импровизация, ведь Суркова ничего подобного Лере не говорила: она просто пыталась проверить, действительно ли потерпевший говорит правду, не проколется ли, проявив алчность.

– У нас бесплатная медицина, – пожал он плечами и тут же скривился от боли. – Врач не говорил, что мне требуется что-то особенное.

– Понятно, – пробормотала Лера. – Я слышала, вас посещал дознаватель. Вы написали заявление о наезде?

– Я же сказал, что ничего не помню, так как я могу что-то писать? В заявлении требуется указать, как все произошло, а я не могу этого сделать!

Интересная ситуация! Выходит, если бы Вера сама не всколыхнулась и не попросила продюсера уладить инцидент, потерпевший вообще не узнал бы, что она виновна в ДТП! С другой стороны, амнезия обычно носит временный характер, и память может вернуться... Если, конечно, парень не лжет.

– Так что, у вас нет претензий к Сокольской? – задала Лера вопрос, ради которого, собственно, и приехала в больницу в свой законный выходной.

– Врач сказал, что женщина, которая меня сбила, вызвала «Скорую» и сама приехала сюда, чтобы выяснить, насколько сильно я пострадал, – ответил потерпевший. – Претензий к ней у меня нет, тем более что, похоже, я в порядке – так, пара ушибов.

– А потеря памяти вас не беспокоит? – удивилась Лера.

– Даже не знаю, – хмыкнул он. – Пока что – нет, наверное... Хотя, с другой стороны, скоро меня выпишут, и я не знаю, куда пойду. Может, к тому времени воспоминания вернуться?

– Но у вас же наверняка есть семья, люди, которые о вас беспокоятся!

– Это возможно.

– А если вас ищут?

– Значит, скоро мы об этом узнаем, верно?

Лера терялась в догадках. Парень оказался не таким, каким она его себе представила, но он определенно не так прост, как хочет казаться!

– Я постараюсь вам помочь, – сказала она, поднимаясь, так как говорить, похоже, было больше не о чем. – Если вас разыскивают, я наведу справки. Если же нет, существует множество способов дать вашим близким знать о том, что с вами произошло и где вы находитесь...

– Давайте не будем пороть горячку! – перебил ее пострадавший. – Доктор говорит, что мое состояние, скорее всего, временное и я сам все вспомню, когда мозги встанут на место!

– Как хотите, – согласилась Лера и покинула палату. Идя по длинному больничному коридору к ординаторской, она буквально столкнулась с человеком в белом халате, на котором болтался бейджик с фамилией «Князев». Чуть ниже она разглядела и надпись, сделанную более мелкими буквами: заведующий отделением ТОН.

– Простите, вы не подскажете, как мне найти доктора Мейрояна? – спросила она.

– Насколько я в курсе, сейчас он на операции, – ответил мужчина.

– Надо же! – расстроилась Лера. – Недавно мне сказали, что он на обходе!

– Так и было, а сейчас он... Простите, а что вам от него нужно?

– Я из Следственного комитета, – пояснила Лера. – У вас тут находится один человек.

Он попал в ДТП и, похоже, у него амнезия...

– А-а, этот! – перебил Князев, не дослушав. – Ну так вы можете у меня обо всем спросить: я знаю столько же, сколько и сам Мейроян, – то есть почти ничего!

– Правда, что потерпевший ничего не помнит?

– Кто же может сказать наверняка? – усмехнулся заведующий. – Установить этот факт без дополнительных исследований не представляется возможным, поэтому мы вынуждены полагаться на слова пациента. Вряд ли кто-то станет лгать о таких вещах, ведь люди, попавшие в тяжелое положение, наоборот, хотят, чтобы о них позаботились!

– Так вы намерены проводить эти... специальные исследования?

– Не вижу смысла. Память, возможно, еще вернется, и тогда пациент сам все вспомнит.

– А если нет?

– Ну, если нет, в дело вступите вы, правильно? Кстати, а почему СК занимается банальным ДТП? Не иначе, тут замешана какая-то шишка!

А он пронизателен, этот доктор!

– Скажите, вы знакомы с Аллой Гурьевной Сурковой?

Вот тут-то Лера по-настоящему удивилась: оказывается, заведующий знает зама руководителя Управления?!

– Да, конечно, – пробормотала она. – Она – моя начальница. А вы...

– Тоже. Итак, вы что-то еще хотели узнать?

– Да, верно... Как вы оцениваете состояние пациента с медицинской точки зрения?

– Средней тяжести. Сотрясение мозга, ушибы грудной клетки... К счастью, ничего не сломано, даже ребра.

– Доктор, я заметила, что у парня запястья забинтованы...

– Вы верно подметили – это тоже показалось нам странным. Севан... в смысле, доктор Мейроян пришел ко мне с тем же наблюдением! Дело в том, что на запястьях пациента видны странные раны...

– Он что, вены вскрывал?

– Нет, не такие раны – как от наручников, понимаете? Ну или от веревки, что ли... Да, скорее как от веревки с жестким ворсом. Она сильно повредила кожу – следы глубокие.

– Но он не мог получить такие повреждения во время аварии!

– Вы правы, не мог.

– И как вы это все объясняете?

– Ну, пока что никак. От развлечений типа садо-мазо до криминала, сами понимаете!

– Может, он этим на жизнь зарабатывает? – предположила Лера.

Заведующий снова пожал плечами.

– Эскорт-услуги? – продолжала она развивать свою мысль. – Вляпался в неприятности, убежал от кого-то и... влетел прямо под машину Сокольской?

– Какая такая Сокольская – певичка, что ли? Так это из-за нее весь сыр-бор! Кстати, госпожа следователь, я бы не стал делать скоропалительных выводов: только из-за внешности парня вы тут же предположили, что он проститутка!

– Вовсе я не... Я пытаюсь рассуждать логически – нужно же с чего-то начинать, если он сам ничего пояснить не может!

– Вот и правильно, – кивнул Князев. – Давайте подождем, пока он все вспомнит, ладно?

Из отделения Лера уходила озадаченной. Когда Суркова поручила ей это банальное на первый взгляд дело, она не слишком обрадовалась, зато теперь ей стало по-настоящему интересно. Парень с явными следами насильственного удержания на руках, авария... Была ли она случайной? Почему так волнуется певица – только ли из-за того, что сбила человека, или тут есть что-то еще, о чем она не пожелала упомянуть? Потеря памяти – ловкий трюк или медицинский диагноз? А еще этот загадочный доктор Князев, который знаком с ее начальницей...

Поняв, что лифта можно дожидаться до второго пришествия, Лера открыла дверь на лестничную площадку и устремилась вниз.

* * *

– Вы меня удивили... – задумчиво пробормотала Суркова, когда Лера, прямо с утра в понедельник, заскочила к ней для доклада, решив, что личная встреча предпочтительнее сухого телефонного разговора. – Честно говоря, не ожидала! Ничего не помнит, говорите?

– Во всяком случае, он так утверждает.

– А вы ему не верите?

– Не знаю, что и думать, – честно призналась Лера. – Он странноватый, этот неизвестный!

– Будешь тут странноватым, когда тебя «кенгурятником» по башке шарахнут! Вы видели машину Сокольской?

Лера покачала головой.

– И я не видела, – продолжала Суркова. – Но в рапорте, полученном в ГИБДД, написано, что она владелица «Форда F-650»!

Недоумение на лице Леры показывало, что информация ей ни о чем не говорит. Тогда Суркова пробежалась пальцами по клавиатуре своего компьютера и отстранилась от экрана, знаком приглашая собеседницу взглянуть на картинку.

– Ого! – присвистнула девушка при виде огромного черного монстра, спереди закованного в броню «кенгурятника», словно средневековый рыцарь в шлеме с забралом. – Интересно, зачем хрупкой барышне вроде Сокольской такая тачка? Это же танк!

– Может, она так самоутверждается? – отозвалась Суркова. – Это больше свойственно мужчинам, но и женщины любят чувствовать себя уверенно: когда едешь по дороге в таком авто, создается ощущение, что тебе подвластно все в этом мире... Удивительно, что наш неизвестный вообще выжил: должно быть, удар был сильнейший!

– Видимо, пришелся по касательной, иначе шансов у него было бы немного, – предположила Лера. – Я вот все думаю о его ранах на запястьях: что это, следствие сексуальных игр или...

– Вот вы все и выясните! – сказала Суркова.

– В смысле?

– Вы же сказали, что дело интересное? Сколько еще у вас в работе?

– Три...

– Вот и берите это четвертым, идет?

– Правда?

Лера почувствовала необыкновенный душевный подъем, скрыть который даже не пыталась. Три дела, которыми она занималась, не отличались оригинальностью. Там почти все было ясно, требовалась лишь куча бумажной работы, а тут...

– Спасибо, Алла Гурьевна! – искренне поблагодарила она Суркову. – Я с удовольствием этим займусь... Кстати, в больнице я повстречала заведующего отделением, некоего Князева...

– Владимира Всеволодовича? – оживилась Суркова. – Он что, лечащий врач неизвестного?

– Нет, неизвестного пользует доктор Мейроян, но познакомиться с ним мне не удалось, зато Князев оказался в курсе всего... Откуда вы его знаете, Алла Гурьевна?

– Это долгая история, Лера, как-нибудь расскажу... Может быть.

Провожая глазами Валерию Медведь, буквально кинувшуюся к выходу из кабинета, Алла улыбалась: когда-то и она была такой, молодой и рьяной, жаждавшей интересных и запутанных дел. Собственно, с тех пор ничего не изменилось: ей по-прежнему свойственно испытывать охотничий азарт в предвкушении интересного расследования! Лера, может статься, со временем займет достойное место в СК: ей не хватает опыта и терпения, но эти добродетели приходят с возрастом. Алла давно наблюдала за девушкой. Она обладала острым умом, необходимым представителю избранной ею профессии, проницательностью, наблюдательностью и, что немаловажно, врожденным чувством справедливости. У нее есть все, чтобы многого добиться на этом поприще... Что ж, поглядим, как она справится!

* * *

Идя по длинному коридору больницы, по которому неспешно передвигались люди на костылях или с тросточками в сопровождении родственников – был час посещений, – Лера приближалась к палате Неизвестного (она решила называть его так за неимением настоящего имени). Открыв дверь, она заглянула внутрь. Койка была пуста, но на одной из оставшихся полулежал пожилой мужчина и читал журнал. При звуке открывающейся двери он поднял глаза.

– Простите, а где ваш сосед? – поинтересовалась Лера, кивая на койку Неизвестного.

– Ленка-то? Дык... увели его.

– Вы знаете его имя? – изумилась Лера. – Он сам вам сказал?

– Да нет, он же не помнит ничего! – махнул рукой пациент. – У меня племянника Ленкой звать, вот я и спросил у него, как он к этому имени относится. Сказал, что ему все равно, вот я и...

– Вы сказали, его увели, – перебила Лера. – На процедуры?

– Да какие процедуры, девушка! Два мордоворота пришли с доктором, сгребли парнишку и уволокли: доктор даже ничего сказать не успел!

– Уволокли?!

– Ну да, так и есть!

– А что за доктор?

– Не знаю имени... чернявый такой. А вы, собственно, кем ему...

Но Лера уже не слушала, несясь в обратный путь по коридору к ординаторской, однако, пробегая мимо кабинета заведующего отделением, она притормозила, услышав за приоткрытой дверью разговор на повышенных тонах.

– ...все равно не понимаю! – говорил сердитый голос. – Как вы могли их отпустить, Севан?!

– Но что же я мог сделать, Владимир Всеволодович?! – сокрушался второй говорящий. – Они не спрашивали разрешения, а просто скрутили парня и...

– А почему вы их не остановили? – перебил первый. – Больница – наша вотчина, и только мы с вами решаем, кто может отсюда уходить!

– Но они сказали, что он кого-то убил, понимаете?

– И что, если так? Пациент не в том состоянии, чтобы отправляться в кутузку! А если с ним что-то случится, кто будет виноват? Травмы, конечно, не смертельные, но все равно нужно было его подержать под наблюдением, чтобы понять, не является ли его амнезия следствием чего-то более серьезного...

Тут Лера постучала и вошла, не дожидаясь приглашения.

– Здравствуйте! – рявкнула она. – Я правильно понимаю, что у вас из-под носа увели пациента?!

Лишь сказав это, она посмотрела на мужчину, стоявшего напротив. Он был довольно высок и прямо-таки сказочно красив – не так, как Неизвестный, но той особой, восточной красотой, какую представляешь себе, читая сказки «Тысяча и одной ночи». Очевидно, это и есть доктор Мейроян, лечащий врач пропавшего больного.

– В общем-то, можно и так сказать, – слегка сконфуженно ответил заведующим после короткой паузы, во время которой, видимо, размышлял, стоит ли возмутиться столь грубым вторжением. Судя по всему, он решил этого не делать. – Погодите, так это не от вас люди приходили, что ли?

– От меня? – переспросила Лера. – С чего вы взяли, что от меня?

– Ну, они же из полиции... – вмешался Мейроян.

– Я из Следственного комитета! – прервала его Лера. – И я никого не присылала! Вы, кстати, уверены, что те люди и в самом деле из органов?

– Они показали удостоверения...

– А фамилий вы, конечно же, не запомнили!

– Ну почему же не запомнил? – обиделся врач. – Один вроде капитан Кравец, другой... не помню звания, а зовут... Михайлов, по-моему.

– Хоть что-то, – пробормотала Лера. – Они правда сказали, что ваш Неизвестный – убийца?

– Да, – подтвердил Мейроян, – но в подробности не вдавались. Думаю, они все равно не ответили бы ни на один мой вопрос!

– Понятно.

– Может, Сурковой позвонить? – предложил Князев, и Лера вспомнила, что они с ее начальницей знакомы.

– Я так и сделаю, – кивнула она. – Надо ковать железо, пока горячо, а не то...

А не то – интересное дело уплывет из ее рук, а такого она допустить не могла! Даже если Неизвестный – преступник, это не имеет значения: расследование поручено ей, и она просто так от него не откажется. У полиции с СК давние счеты, и представители первой вцепятся зубами в любого, на кого вздумает претендовать кто-то из второго, но Суркова – дама влиятельная, правая рука Деда, и в том, что она сумеет решить вопрос, нет никаких сомнений.

– Стремительная девушка, – заметил Мейроян, глядя, как молодая следователь исчезает за дверью. – И нахальная!

– Она права, между прочим, – процедил Князев, глядя на своего лучшего хирурга исподлобья. Под его тяжелым взглядом тот вроде как стал даже ниже ростом, хоть и был на полголовы выше начальника. – Мы не должны позволять полицейским, или кто там они были, буквально выкрадывать пациента из нашей больницы!

Мейроян был благодарен Князеву за то, что тот сказал «мы», демонстрируя сопричастность и разделяя с ним вину за случившееся.

– Согласен, – вздохнул хирург. – Не знаю, как я смог бы им помешать, но, наверное, попытаться следовало...

Несясь к лестнице, Лера набрала Суркову.
– Алла Гурьевна, у меня проблема! – выпалила она.

* * *

Лера не ожидала, что Суркова проявит оперативность, однако, едва вернувшись в кабинет, она получила от нее звонок.

– Лера, дежурный сообщил, что вы пришли, – деловито пояснила старший следователь. – Зайдите ко мне – есть информация.

Уговаривать Леру не требовалась – она тут же сорвалась с места. Суркова встретила ее, стоя у окна и глядя на улицу. Ее окна выходили на набережную Мойки – Лера отдала бы все на свете за такой вид, но она понимала, что пока не заслужила подобной привилегии. На старшем следователе красовался брючный костюм бирюзового цвета, оттеняющий ее темные волосы и светлую кожу и подчеркивающий глубокий зеленый цвет глаз. Лера помнила ее одетой в бесформенные наряды темных тонов, почти без косметики, похожей на «Прокофью Людмиловну» из кинофильма «Служебный роман». Контраст был разителен: она не знала, в какой момент произошла приятная перемена, однако та Суркова и теперешняя, казалось, просто не могли быть одной и той же женщиной. Интересно, что заставило ее сменить имидж?

– Присаживайтесь! – пригласила Суркова, но сама осталась на ногах. – Мне удалось выяснить, кто забрал Неизвестного из больницы... Кстати, оказывается, никакой он не «неизвестный»: у этого человека есть имя и биография!

– Вот как? – пробормотала Лера. – То есть он врал насчет амнезии?

– Это мне неизвестно, знаю только, что зовут его Роман Вагнер и он приходится сыном покойному Карлу Вагнеру, известному в деловых кругах бизнесмену и меценату.

– Ну надо же! – тихонько присвистнула Лера. – Выходит, он богат? – Неприязнь Леры к красавчику, да еще и толстосуму, возросла втрое.

– Похоже на то, – подтвердила Суркова.

– И как же он оказался в такой ситуации? Такие, как он, – я имею в виду, представители «золотой молодежи», – обычно и улицу-то видят только из окон своих «майбахов» и «бугатти»!

– Полностью с вами согласна – это удивительно!

– Лечащий врач этого... Вагнера сообщил, что опера, приехавшие задерживать его, утверждали, будто он кого-то убил. Это правда?

– Правда то, что Романа Вагнера подозревают в убийстве его отца.

– Ого! Что-то я ничего об этом не слышала...

– Все произошло несколько дней назад, и родственники постарались, чтобы информация не просочилась наружу – сами понимаете, речь о члене семьи... Тем не менее сегодня по телевидению прошел репортаж об убийстве: полагаю, сейчас все СМИ взорвутся. Интернет уже заполнен фотографиями и видео с места аварии, и Сокольскую «склоняют» на все лады в комментариях. А я-то все голову ломала, откуда операм стало известно о нахождении Романа Вагнера в больнице!

– Значит, дело я потеряла? – упавшим голосом проговорила Лера.

– Не торопитесь! Я решила прощупать почву на предмет передачи его в наше ведение и, к своему удивлению, столкнулась с сопротивлением.

– Что же тут странного, – пожала плечами Лера. – Коллеги нас не любят!

– Мне показалось, проблема не в этом, – возразила Суркова. – Хотя, конечно, я могу ошибаться... Тем не менее я пошла к Кириенко, рассудив, что он нагрузил меня, а следовательно, и вас, этим делом, а значит, нам обоим кое-что должен, правильно?

Лерино лицо прояснилось.

– Неужели вам удалось заставить его?..

– Пришлось потрудиться, но, как говорится, телефонное право никто не отменял. Дело ваше, если вы еще его хотите!

– Спрашиваете! Но как у Де... то есть у Андрона Петровича получилось вырвать дело у следака?

– Не представляю даже – на то он и генерал-майор юстиции! – рассмеялась Суркова. – Но могу предположить, что Кириенко приплел сюда певицу Сокольскую, которой несчастливо-лось сбить Вагнера своим автомобилем. По сути, это два разных дела, и конечно же убийство имеет приоритет перед банальным наездом, но, повторюсь, – на то он и генерал-майор! Вот вам данные следователя. Его фамилия Лурье, и, мне кажется, перед визитом, который вряд ли будет приятным для вас обоих, вам следует провентилировать, что он из себя представляет.

– Это тот Лурье, который из двадцать девятого отдела полиции Московского района, на Варшавской?

– Он самый! – удивилась Суркова. – Вы знакомы?

– Да, – вздохнула девушка. – И вы правы: мой визит приятным не будет!

– Что, не самый милый человек этот Лурье?

– Да не то слово – просто гад записной! Я слышала, им вплотную занимались из отдела собственной безопасности, но так и не смогли прижать.

– Какой интересный тип... Ну, удачи вам – схватка предстоит не из легких! Кстати, Лера, хотела спросить: как заведующий отделением позволил операм утащить пациента из больницы? Насколько я его знаю, он бы костыми лег, но не дал им этого сделать!

– Так не он позволил, Алла Гурьевна, а лечащий врач... Мейроян, кажется?

– Да, есть там такой.

– По-моему, он просто растерялся: опера нагрянули без звонка, да еще и обвинили парня в убийстве... Но Князев его так отчитал, что мало не показалось, – я вошла как раз в тот момент, когда он распекал Мейрояна, как мальчишку!

– Узнаю Мономаха...

– Кого?

– Не важно. Работайте, Лера, вам все карты в руки! Держите меня в курсе и, если возникнут сложности, сразу сообщайте, ладно?

– А вот мне все-таки интересно, как Лурье узнал о том, что Вагнер у нас? – задумчиво пробормотала Лера. – Ну, допустим, в интернете есть снимки и видосы, но вряд ли он с утра до ночи сидит в Сети! Врачи же не могли...

– Исключено! – убежденно перебила ее Суркова. – Но в больнице полно народу: допускаю, что кто-то из младшего персонала или пациентов узнал его – в конце концов, он сын известного человека и наверняка засветился в тусовке! С учетом того, что виновницей аварии стала Сокольская, кому-то могло захотеться урвать свой кусочек славы или денег, и они связались с каким-нибудь репортером, а там уж... Во всем этом есть ведь и положительный момент, да?

– Какой?

– По крайней мере, теперь мы знаем, с кем имеем дело, – пояснила старший следователь. – Одно дело – некто с предполагаемой потерей памяти, и другое – личность с именем и фамилией!

* * *

Разговор с Лурье, как Лера и ожидала, ее измотал: она еле дотащилась до дома! Правда, кое-что из него все же вытянуть удалось, а вот встретиться с Вагнером не получилось. Ну ничего, завтра с утра она первым делом отправится в ИВС!

Едва войдя, Лера сразу поняла, что в квартире что-то не так: на вешалке висело элегантное пальто – она сроду бы такое не купила, – и это могло означать лишь одно: к ней решила заглянуть мама. Очень вовремя!

– Лера, это ты? – раздался окрик из гостиной.

Как будто это мог быть кто-то другой! И дернул же ее черт поддаться на уговоры и снабдить родительницу комплектом ключей!

– Ужасно выглядишь! – констатировала мать, как только Лера переступила порог комнаты.

Сама Галина Федоровна выглядела сногшибательно: круговая подтяжка явно пошла ей на пользу, омоложив лет на пятнадцать, от чего пятидесятидвухлетняя женщина казалась едва ли не ровесницей дочери – особенно если не приглядываться чересчур пристально. Ей очень шел костюм цвета маренго, который прибавил бы лет кому угодно, но только не Лериной матери! Косметика, умело наложенная таким образом, чтобы создавалось впечатление полного ее отсутствия, придавала ее лицу свежесть, которой, как подозревала Лера, ей самой явно недоставало.

– Спасибо, ма, – буркнула она. – Ты умеешь поддержать и всегда находишь нужные слова!

– Но, милая моя, кто же скажет тебе правду, если не родная мать? – развела холеными руками Галина Федоровна. – Ты работаешь с утра до вчера, зарабатываешь, уж прости, кошканы слезы...

– Мне хватает! – огрызнулась Лера.

– Но это же ненормально, доченька! Тебе *хватает*, как ты выражаешься, только потому, что ты ничего себе не покупаешь и никуда не ходишь, а в твоём возрасте это смерти подобно! Ты же у меня красавица...

– Да уж, красавица!

– Конечно, красавица, только ты одеваешься, как мужик, разговариваешь, как мужик, да и ведешь себя...

– Как мужик? – догадалась Лера.

– Ладно, лучше расскажи, как прошло свидание?

– Какое свидание?

– Брось! – Мать начинала злиться. – То самое свидание, которое мы с твоей сестрой тебе устроили!

– С банкиром?

– Никакой он не банкир, но вполне может им стать... Ну почему ты у меня такая странная, а? Такая неуживчивая?! Хороший парень, молодой, перспективный...

– Это папаша у него перспективный, а он – жутко скучный, занудный тип, которому интересна только его собственная персона! – не выдержала Лера. – Ты представляешь – он только о себе любимом и говорил все время, что мы сидели в ресторане!

– Лерочка, ну какой же ты еще, в сущности, ребенок! Взрослая молодая женщина, а ведешь себя как институтка, честное слово! – возмутилась Галина Федоровна. – Все мужики любят говорить о себе, это нормально... Вот, к примеру, возьми дикую природу: самцы привлекают самку всевозможными способами – распушают хвост, трели выводят, а что на самом деле они делают? Хвалят себя, разумеется! Хвастаются, чтобы цену себе набить, чтобы самка...

– Но я не самка, мам, а, как ты изволила выразиться, взрослая молодая женщина! – перебила мать Лера. – Я хочу, чтобы мужчина считал меня интересной, чтобы ему было не все равно, что я думаю и чувствую, понимаешь? Я хочу, чтобы он задавал мне вопросы, желал узнать, какой мой любимый цвет, книга, фильм... А-а, что я распинаюсь – тебе ведь все это кажется неважным, ты думаешь только о материальном благополучии! Знаю, ты считаешь меня неудачницей, а мою сестру – счастливым лотерейным билетом, который помог тебе выбраться

из нищеты, но я не хочу заполучить в мужа денежный мешок... Черт, да я вообще не хочу замуж, можешь ты это понять?!

В комнате повисла зловещая тишина. Потом мать, набрав в легкие побольше воздуха, проговорила:

– Знаешь, дочь, ты права в одном: я ненавижу нищету! Ваш с Элей папаша, если помнишь, бросил нас, когда вы еще под стол пешком ходили, оставив вам громкую фамилию Медведь, а мне – кучу отвратительных воспоминаний!

– Мам...

– Не мамкай! – рявкнула Галина Федоровна. – Я тебя выслушала, и ты послушай! Так вот, я вырастила вас одна, мне никто не помогал. Я десять раз могла выйти замуж, но боялась, что отчим будет плохо к вам относиться, да и вообще – опасно впускать к малолетним детям чужого мужика, время-то беспокойное! Я много работала и – да, я принимала подарки от мужчин, желавших общения со мной. Можешь меня презирать, но в нашем положении выбирать не приходилось. Мне везло на неплохих людей: они не требовали многого и были рады, что я не претендую на статус законной жены! Так, я дала вам обоим блестящее образование – полагаю, с этим спорить не станешь даже ты... Между прочим, *ты* живешь в квартире, подаренной одним из моих поклонников!

– Мам...

– Я действительно мечтала о лучшей доле для вас, и когда Эле повезло встретить Арамаиса, я была счастлива: отныне ей не придется думать о хлебе насущном! Но ты, Лера, всегда была для меня головной болью: твой независимый характер отпугивает мужчин, а твоя прямолинейность убивает все живое в радиусе километра! И все же я продолжаю надеяться, что рано или поздно найдется тот, кто сумеет тебя приручить.

– По-моему, ты путаешь меня с лошадьё!

– Каждой женщине предназначен свой мужчина, – продолжала гнуть свою линию мать. – Я, по крайней мере, пытаюсь сделать так, чтобы у тебя была возможность общаться с кем-то, кто не носит оружия, не пьет, не ругается матом и не убивает людей!

– Так вот чем, по-твоему, мы занимаемся?! – оскорбилась Лера.

– Чем вы занимаетесь, значения не имеет, для меня главное – счастье и благополучие моих дочерей! Что бы ты там себе ни думала, своих попыток я не оставлю: я найду человека, который тебя не испугается, и ты еще скажешь мне спасибо, неблагодарная!

Лера слишком утомилась, чтобы продолжать этот бессмысленный спор. Кроме того, она чувствовала себя виноватой: ну как матери всегда удается заставить ее сожалеть о своих словах, сказанных в запале?! В конце концов, Галина Федоровна права: если бы не ее сила воли и целеустремленность, жизнь ее дочерей, скорее всего, сложилась бы гораздо хуже! Поэтому Лера опустилась на диван рядом с матерью и обняла ее за плечи.

– Прости, мам, я устала, вот и несу чепуху, – примирительно сказала она. Мать не стала ломаться и сразу же приняла протянутую дочерью оливковую ветвь.

– У тебя в холодильнике мышшь повесилась, – сообщила она очевидный факт. – Я забила его полезными продуктами – будь любезна есть их, а не пиццу и лапшу, которую ты заказываешь в непонятных забегаловках! Я даже нарезала овощи – все, что необходимо сделать, это смешать их вместе и залить соусом... Соус тоже в холодильнике. Еще там есть мясо, рыба, сыр... Короче, все, что необходимо молодому организму для поддержания сил. Рыба потрошенная, так что просто заверни ее в фольгу и сунь в духовку на полчаса. Ну, я пойду – тебе надо поесть и выспаться, а то вон круги под глазами, как у лемура!

Ключнув дочь в щеку, Галина Федоровна грациозно поднялась и прошествовала в прихожую. Лера поплелась следом, чтобы проводить мать, хоть в этом и не было необходимости, ведь у той были ключи, да и дверь просто захлопывалась.

Оставшись одна, она пошла на кухню, распахнула створки огромного холодильника (подарок сестрицы, которая почему-то считала размеры рефрижератора показателем финансовой состоятельности его владельца) и обзрела ломившиеся от всевозможной снеди полки. Да, мама превзошла саму себя – такое количество продуктов Лере не осилить и за неделю! И чем, собственно, плохи пицца и лапша? Быстро, вкусно и недорого!

* * *

Войдя в кабинет Олега Куделина, Лера застала его за завтраком – перед ним в картонной коробке лежала разрезанная пицца, половину которой эксперт по информационной безопасности уже успел умять. Принимая во внимание его габариты, удивляться не приходилось: Олег, сибарит и гурман, весил центнер с лишком, причем совершенно не парился по этому поводу, полагая, что хорошего человека должно быть много. Помимо веса, у Куделина имелась еще одна черта, выделявшая его из любой толпы, – ярко-рыжие от природы, вьющиеся мелким бесом густые и жесткие волосы. Он был похож на китайскую игрушку-тролля со стоящей дыбом яркой шевелюрой – каждый раз, глядя на эксперта, Лера вспоминала об этом и с трудом заставляла себя сохранять серьезность. Однако, несмотря на наличие чувства юмора, Олег вовсе не был тем, над кем можно смеяться: его мозг и несравненные технические навыки ценили «на самом верху», и если бы начальство пронюхало, что Лера порой использует Куделина не по назначению, отвлекая от основной работы, ее бы по головке не погладили! Лера была, пожалуй, единственным человеком в Управлении, кто мог вламываться к Олегу без предупреждения и требовать помощи без серьезных последствий для себя, – так уж повелось с самого начала их знакомства. Неизвестно, по какой причине высокая, нескладная девушка со вспыльчивым характером и аналитическим умом вызвала в приземистом, толстом и желчном Куделине симпатию, не имеющую, впрочем, ничего общего с сексуальным влечением: воистину пример притяжения противоположностей!

– Привет, рыжий! – поздоровалась она, бахнув увесистый бумажный пакет на стол перед экспертом.

– И тебе привет, дылда! – ответил тот и потянул носом, приняв к волшебному запаху, исходящему от дышащего жаром и исходящего жиром пакета. – Что там?

– Твои любимые блинчики.

– Из «Теремка»? – плотоядно осклабился Олег и презрительно отпихнул от себя коробку с остатками остывшей пиццы. – С чем?

– Как ты любишь, – усмехнулась Лера. – С красной рыбой, с бужениной и парочка с яблоками.

– Класс!

Пухлая рука эксперта залезла внутрь пакета и извлекла сразу два блина в маслянистой упаковке.

– Чай будешь? – поинтересовался он у Леры. Она с сомнением оглядела стол, заваленный какими-то железками, из-под которых едва виднелся носик электрического чайника.

– Нет, спасибо. Лучше расскажи, удалось ли тебе что-то нарыть по убиенному Карлу Вагнеру?

– Обижаешь! – скривился Олег и засунул блин с семгой в рот целиком. Лере пришлось подождать, пока он прожует. – Вкуснотищ-ща-а-а... Так вот, о Вагнере твоём. Короче, мужик был реально богат!

– Да ну? – недоверчиво изогнула бровь Лера. – Почему же я ничего о нем не слышала?

– Ой, будто бы ты много слышала о Рокфеллерах или Ротшильдах! – фыркнул эксперт.

– Так все слышали...

– Нет, ты мне скажи, как зовут хотя бы одного из них, чем он владеет, где обретается, – видишь, нечего сказать-то! По-настоящему богатые люди, знаешь ли, не выкладывают в «Тик-Ток» свои фотки в обнимку с золотыми унитазами, они живут тихо, и когда мимо тебя на улице аккуратненько, не нарушая скоростного режима, проедет какой-нибудь «Майбах» с затемненными стеклами, тебе и в голову не придет задуматься о том, кто за ними скрывается!

– А чем конкретно этот великий человек занимался? – поинтересовалась Лера, решив, что слова Олега, пожалуй, справедливы.

– Ой, да чем только... Ну вот, к примеру, золотом.

– Торговал им?

– И добывал, и торговал: ему принадлежала золотодобывающая компания, алмазный рудничок в Якутии, сеть ювелирных салонов «Малахитовая шкатулка»...

– Что-то не припомню такого бренда!

– Это как с Ротшильдами: только они и им подобные – то бишь толстосумы – знают про эти магазины. В смысле, они не засекречены, и вывески на них имеются, однако простые смертные туда вряд ли зайдут.

– Почему?

– Да потому, голуба моя, что понимают: в таком месте купить они смогут разве что ручку от двери, которую перед ними откроет швейцар в ливрее! Ну кому, скажи на милость, понравится чувствовать себя бедным родственником в месте, где даже ценников на украшениях нет?

– Н-да... – протянула Лера, на мгновение задумавшись, каково это – владеть таким богатством? Нет, пожалуй, ей не хотелось бы такой жизни, замкнутой на узком круге людей, объединенных лишь одним – деньгами!

– Еще Вагнер активно занимался благотворительностью, – продолжал между тем Куделин.

– Больные дети?

– Старики.

– Старики?

– Ну да, он создал нечто вроде домов для пожилых людей, какие есть в Японии...

– Дома престарелых, что ли?

– Темнота! Нет, ничего общего. ДПЛ – обычные дома, но проживают в них только пожилые люди. Свои квартиры они отдают его благотворительному фонду, получая комфортабельное жилье соответствующего метража в доме, где есть собственная бесплатная медицинская служба, бесплатное питание... Санаторий, короче говоря, только живешь самостоятельной жизнью, как и раньше. После смерти старика квартира остается в собственности фонда и передается следующему жильцу.

– Какая-то хитрая мошенническая схема?

Олег только плечами пожал.

– Мне кажется, – сказал он, – у Вагнера не было нужны надувать пенсионеров – он был настолько богат, что мог для сугреву жечь бабки в камине холодными зимними ночами! Ты вообще не веришь, что кто-то может творить добро без личной выгоды?

Лера скорчила рожицу.

– Может, я чересчур цинична, но... Нет, не верю! С другой стороны, я бы очень хотела ошибиться... Ладно, кончай философствовать и расскажи, как убили Вагнера.

– А ты разве не говорила со следаком?

– Представь себе, не получилось! Этот Лурье от меня бежит: я не смогла застать его ни вчера, ни сегодня, прикинь? Трубку он не снимает – видимо, здорово обиделся, что расследование у него увели прямо из-под носа!

– Так он что, до сих пор дело тебе не передал?

– Не-а. Возможно, Лурье пытается вернуть его себе и ищет того, кто ему поможет? Но ты не сомневайся, я его выцарапаю, даже вместе с его печенью!

– Да я никогда и не сомневался в твоей кровожадности! Значит, ты и с младшим Вагнером встретиться не сумела?

– С ним-то сумела, только вот толку – ноль.

– Почему?

– Ну, видишь ли, он утверждает, что ничегошеньки не помнит!

– А ты ему не веришь?

– Даже не знаю! Если он грохнул папашу, тогда это – неплохая тактика, а если нет... Ну давай, выкладывай, что нарыл по убийству!

– Пришлось поковыряться в соцсетях и даже связаться с одной приятельницей с питерского ТВ. Информации мало, семья отказывается что-либо комментировать, но кое-что все же удалось выудить то тут, то там.

– Ну же! – нетерпеливо воскликнула Лера.

– Короче, так. Несколько дней назад жена Вагнера-старшего, вернувшись из театра, обнаружила его мертвым на полу в собственном кабинете.

– Застрелили?

– Не поверишь – проткнули шпагой!

– Что-о?!

– У Вагнера обширная коллекция холодного оружия, в основном антикварного. Его убили шпагой времен Наполеоновских войн – страшно представить, сколько такая может стоить!

– Ограбление?

– В том-то и дело, что нет: из дома ничего не пропало!

– Значит, кто-то из своих... Или, может, чья-то месть? Уж больно экзотический способ убийства!

– Или этот кто-то не планировал ничего такого, просто так вышло, – добавил Олег. – Может, поругались, повздорили...

– Верно, – согласилась Лера. – Есть предположения, почему подозрение пало именно на Романа Вагнера?

Эксперт покачал головой.

– Думаю, тебе нужно пообщаться с семейством убиенного, это ведь можно сделать и до того, как ты наконец поймаешь Лурье.

– Можешь вкратце рассказать, с кем мне предстоит общаться?

– Во-первых, вдова, Луиза Вагнер.

– Та, что обнаружила тело?

– Да. Есть еще внуки...

– А дети?

– У Карла Вагнера был еще сын, Георгий, но он погиб в автокатастрофе несколько лет назад. Мужик был женат шесть раз...

– Шесть?!

– И это – только официально! Так вот, от двух браков есть дети. Старшему, Эдуарду, тридцать четыре года, и он активно участвует в бизнесе деда.

– А другие? Ты сказал, есть еще внуки?

– Близнецы от последней жены, Антон и Эльза. Они еще мелкие, старшекласники. Эльза – активная блогерша, между прочим, у нее куча подписчиков.

– А Антон?

– Его странички в социальных сетях не показались мне интересными – так, обычные пацанские приколы, дурачества... Вот, собственно, и все.

– А что известно о матери покойного сына Вагнера?
– Она вроде умерла давно... Зато имеются Ольга Вагнер, вдова Георгия, а также еще пять экс-супруг!

– Никто из них, насколько я понимаю, не может претендовать на наследство? – уточнила Лера.

– По закону – нет. Ну, если только мамаша Эдуарда, да и та – только через сынка...

– Большое семейство!

– Тебе «подфартило» – кучу народу придется допросить, работы непочатый край! Но ты ведь это любишь, да?

Лера только ухмыльнулась в ответ: она и впрямь это любила. Ей нравилось, когда подозреваемых много, – это заставляло напрячь мозги и поупражняться в решении сложных задач.

– Кстати, а как насчет матери подозреваемого? – вдруг спохватилась она.

– А вот это интересно, – ответил Олег. – О ней ничего найти не удалось!

– То есть она не была женой Карла?

– Ну что тут скажешь – понятия не имею! С первой супругой Вагнер прожил тридцать лет с гаком, но она умерла, и через некоторое время он женился на Луизе – вот и все, что известно. От нее у него детей нет, а вот от кого Роман – неизвестно!

– Ты меня заинтриговал!

– Это – мое хобби, ты же в курсе, – осклабился Олег и, схватив блин с бужениной, ловко закинул его себе в рот и вытер жирные пальцы салфеткой, предусмотрительно уложенной в пакет вместе с едой.

* * *

Лере все же удалось подкараулить Лурье. Пришлось посидеть в засаде, чтобы его перехватить и поставить перед фактом: дело передано ей, и у него нет ни малейших шансов его вернуть. Она все спрашивала себя, почему ее коллега так расстроился, когда ему пришлось отдать дело, – не может быть, что проблема только в уязвленном самолюбии! Какой во всем этом его интерес? А в том, что он имеется, Лера не сомневалась.

Прочтя материалы по убийству, она заметила, что Лурье не слишком усердствовал, сразу уверовав в виновность Романа Вагнера и даже не попытавшись проверить другие версии: в конце концов, старший Вагнер являлся богатым человеком, у которого наверняка полно врагов или как минимум конкурентов, которые желали бы от него избавиться! Протоколы допросов членов семьи оказались до странности лаконичными и лишенными деталей, и Лера удивилась, не обнаружив в деле показаний служащих бизнесмена, которые пролили бы свет и на его личность, и на то, кому он мог насолить. Единственным, что имело хоть какую-то ценность, стали довольно подробные отчеты патологоанатома и судмедэксперта, которые она изучила с особым тщанием. Нельзя сказать, чтобы они ее удовлетворили, так как почти полностью совпадали с информацией, которую ей сообщил Олег Куделин. Правда, кое-что все-таки отчеты проясняли. Во-первых, рядом с телом убитого была найдена шпага времен Наполеоновских войн с эфесом, украшенным золотой инкрустацией. На шпаге присутствовали отпечатки пальцев Романа Вагнера, однако не слишком четкие, что вызвало у судмедэксперта недоумение. Если бы их пытались стереть, то почему сделали это настолько небрежно? Другое холодное оружие из коллекции Вагнера в его кабинете также было проверено на предмет наличия «пальчиков», и выяснилось, что Роман прикасался не только к орудию убийства. В сущности, это неудивительно: в конце концов, Карл Вагнер приходился ему отцом, и сын вполне мог временами захаживать в кабинет и брать в руки все эти сабли, шпаги и ятаганы! Патолог написал, что Вагнеру-старшему нанесли три ранения, однако умер он, скорее всего, от первого же удара в яремную вену. Выходило, что убийца был очень зол на свою жертву, иначе зачем бы ему

продолжать колоть труп! Занятно, что Карл не оказал сопротивления – знал убийцу, доверял ему? Значит, скорее всего, это что-то личное... Больше ничего полезного Лера в отчетах не нашла. На вопрос, как именно он получил информацию о том, что Роман Вагнер находится в больнице, Лурье лишь буркнул что-то насчет «умения работать со свидетелями», и все.

Убиенный проживал в особняке с колоннами из розового гранита. Лере всегда казалось, что подобные сооружения безвкусны, однако тут ей пришлось скрепя сердце признать, что чего-чего, а чувства стиля у Карла Вагнера было не отнять: здание смотрелось величественно и нисколько не напоминало те, какие ей доводилось посещать до сего момента – там жили нувориши, понятия не имеющие, что по-настоящему красивый дом не обязательно должен быть украшен множеством башенок и витражей! Ворота оказались под стать особняку: тяжелые фигурные решетки позволяли разглядеть участок, на котором в это время года произрастало множество цветов и декоративных кустарников. За садом, несомненно, хорошо ухаживали. На звонок ответил не охранник в униформе какого-нибудь ЧОПа, а пожилой мужчина в резиновых сапогах и длинном фартуке, испачканном землей. Узнав, кто Лера такая, он позвонил в переговорное устройство, расположенное на внутренней стороне ворот, и получил разрешение впустить визитершу.

С любопытством озираясь по сторонам, она двинулась в сторону главного входа, успев заметить, что задняя часть дома выходит к лесу, а высокий забор увит каким-то вьющимся растением, полностью скрывающим кирпичную кладку. Поднявшись на крыльцо, украшенное стоящими в высоких каменных вазах и висящими на длинных рейках кашпо с цветами, Лера потянулось было к ручке, но отпрянула от неожиданности, так как дверь распахнулась и на пороге нарисовалась молодая женщина, судя по ярко выраженной восточной внешности, уроженка Киргизии или Казахстана.

– Вы из Следственного комитета? – скорее констатировала, чем спросила она и, не дожидаясь ответа, посторонила, пропуская Леру в прихожую.

– Хозяйка вас примет в гостиной, – добавила она. – Идите прямо и упретесь прямо в нее.

Лера подумала, что слово «упреться» меньше всего соответствовало размерам дома: снаружи он казался меньше, а внутри оказалось столько места, что можно оборудовать каток олимпийских размеров только в одном фойе! Коридор был широким, а по обе стороны от него располагались двери в комнаты – резные, тяжелые, видимо, из ценных пород дерева, хотя Лера плохо разбиралась в таких вещах. Широкая арка открывала замечательный вид в гостиную – комнату поистине гигантских размеров, оформленную в желто-коричневых тонах. Лере почему-то пришло в голову, как трудно, должно быть, производить уборку в столь обширном помещении, даже при том, что в нем стояла только мягкая мебель! Ковры с густым ворсом казались небрежно брошенными на пол, однако впечатление было обманчивым: они лежали в строгом порядке и составляли отлично подобранную гамму – от молочного и светло-желтого до шоколадного. Обычно Леру раздражало, когда гостиную называют залом: особенно забавно это звучит, когда так именуют простенькую комнату в деревенском доме или какой-нибудь хрущевке, однако сейчас она впервые осознала значение понятия «зал», которое в полной мере соответствовало обстановке. В массивном кресле восседала женщина средних лет в элегантном сером костюме и с шелковым шарфиком, повязанным вокруг шеи в качестве украшения. Впрочем, не единственного: на ухоженном указательном пальчике правой руки зловеще-насмешливо посверкивал при тусклом искусственном освещении огромный бриллиант. На первый взгляд хозяйка дома показалась Лере чересчур молодожавой для своих лет, однако при ближайшем рассмотрении стали видны мелкие морщинки вокруг глаз, которые не удалишь никакой пластикой. Но главным указанием на возраст были выражение лица и взгляд, присущий только умудренным жизненным опытом людям – пронзительный и оценивающий. Лера решила, что Луиза Вагнер скорее некрасива – уж больно длинное у нее лицо с тяжелым подбородком, а нос чересчур крупный и тоже длинноват. Лера поздоровалась, Луиза лишь слегка

наклонила голову. Такое сухое приветствие можно было объяснить как проявлением горя от потери любимого супруга, так и высокомерием, присущим большинству состоятельных людей.

– Я уже говорила со следователем, – без обиняков начала вдовица, едва скрывая раздражение. – Мне представлялось, он остался доволен моими показаниями!

– Дело передано мне, – пояснила Лера. – Так что, боюсь, вам придется еще раз рассказать мне то, что вы поведали моему коллеге, Луиза Марковна.

– Вам? – переспросила та, разглядывая гостью со смесью изумления и недоверия. – Сколько вам лет?

– Двадцать восемь. Это важно?

Луиза не ответила, но по ее лицу можно было прочесть: неужели во всем СК не нашлось кого-то постарше и покомпетентнее?! Однако вслух она этого не произнесла, сказав вместо этого:

– Ну, так что именно вы хотите узнать?

– Опишите вечер убийства, пожалуйста.

– Вы не понимаете, как...

– Я отлично понимаю, как вам тяжело, но разве вы не хотите узнать правду о том, кто убил вашего мужа? – перебила Лера.

– Но мы же знаем кто! – гневно воскликнула Луиза. – И, насколько я понимаю, он арестован!

– Пока что – только задержан.

– Но разве не все очевидно? Следователь, как его... Лурье, кажется, убедил меня в том, что все очевидно!

– А теперь и я хотела бы в этом убедиться, если не возражаете. Давайте вернемся к вечеру убийства, хорошо? Вы были в театре... Кстати, в каком и что давали?

– Это имеет значение? – удивилась вдова.

– Вы должны понимать, что это – ваше алиби.

– Я что, подозреваемая?!

– Под подозрением все, пока все факты не проверены. Так что...

– Я слушала «Волшебную флейту» в Мариинке.

– Одна?

– Да.

– Вы часто ходите в театр одна?

– Я люблю искусство, видите ли, а мой муж... покойный муж, он не разделял моей увлеченности. Его интересовал только бизнес, поэтому я посещала выставки, представления и киносеансы либо одна, либо в сопровождении подруг. Так вышло, что в тот злополучный вечер я не нашла спутницу, вот и пришлось... Подумать только, ведь, останься я дома, Карл был бы жив!

– Не стоит себя винить, – произнесла Лера дежурную фразу: на самом деле она не испытывала особого сочувствия к женщине, которая только что призналась, что не имела с мужем ничего общего. Лера не могла принять таких отношений: зачем жить вместе, если не о чем говорить, нечем делиться, нечего обсуждать? И все же ей приходилось сохранять видимость приязни, чтобы наладить контакт с женщиной, которая не являлась легким собеседником.

– Если бы вы никуда не пошли, то вполне могли бы тоже стать жертвой убийцы, – добавила она. – А кто еще находился в доме в момент совершения преступления?

– Никого не было.

– Как это? – удивилась Лера. – В таком большом доме – и никого?

– Это был вечер пятницы, чтобы вы понимали, – со вздохом ответила Луиза, раздраженная тем, что приходится объяснять очевидные для нее самой вещи. – Обычно мы отпускаем прислугу в пятницу днем до утра субботы.

– А другие члены семьи?

– Внуки Карла, Эльза и Антон, где-то развлекались с друзьями и явились лишь на следующий день!

– А Эдуард?

– Так он же с нами не живет! Эдик – взрослый мальчик, у него есть девушка. Муж подарил старшему внуку шикарную квартиру, как только ему стукнуло восемнадцать, – там они и обретаются. Кстати, обнаружив мужа мертвым, я страшно испугалась и растерялась, поэтому сразу после звонка в полицию связалась с Эдиком. Он очень быстро приехал, я даже удивилась... Адвокату я тоже позвонила: не знаю, что бы я без него делала, ведь полиция шарила по всему дому, а у меня совершенно не было сил, чтобы за ними присматривать!

– А Роман Вагнер проживает в этом доме?

– Нет.

– С матерью?

– Да я понятия не имею, кто его мать! Карл и ему купил жилье... Вернее, отдал свою городскую квартиру. Я была против, ведь молодому парню ни к чему огромные хоромы в центре города, но муж меня не слушал! Если бы он не избаловал мальчишку, тот не сотворил бы того...

Луиза замолчала, и Лера видела, что ее прямо-таки душит гнев. На Романа или на покойного супруга? Очевидно, первый не относился к числу любимцев вдовы!

– Вы сказали, что не знакомы с матерью Романа, – сказала Лера, потому что Луиза продолжала хранить молчание. – Она что, умерла?

– Да откуда мне знать! – передернула плечами собеседница. – Если хотите знать, усыновление Романа было самой большой ошибкой, какую совершил в своей жизни мой муж!

– Так он что, не родной сын? – встрепелась Лера.

– Нет, конечно! Вы не знали?

Олег либо забыл упомянуть об этом немаловажном факте, либо просто не знал: в конце концов, где можно добыть столь личную информацию – явно же не в глобальной Сети! Поэтому Лера только покачала головой.

– Что ж, если вам интересно... Карл усыновил Романа, когда тому было лет шестнадцать.

– Так поздно?

– Я тоже удивилась. От меня требовалось согласие на усыновление, ведь мы были женаты. Я не ожидала такого финта: выходя замуж за Карла, я поставила его в известность, что не хочу детей, и он согласился с моим выбором, ведь у него уже были сын и внуки! Поняв, что он настроен серьезно, я предложила для начала оформить опеку, ведь неизвестно, что за наклонности у парня, а перевоспитывать его в случае чего будет поздно, но Карл остался непреклонен и, можно сказать, не оставил мне выбора – пришлось подписать бумаги. Муж пообещал, что мне не придется общаться с Романом, так как он поселит его в своей городской квартире и мы даже не будем пересекаться. Слово он сдержал, только вот я не могу понять, зачем было отдавать ему такую роскошную недвижимость – почему не купить что-нибудь попроще?! Однако Карл никогда не позволял кому-то диктовать ему условия или оспаривать его мнение!

– Получается, вы совсем не знаете вашего пасынка?

– Не то чтобы я стремилась к общению, однако Карл как будто бы намеренно старался держать нас подальше друг от друга. В принципе, я понимаю почему.

– И почему же?

– Вы что, вообще не разговаривали с вашим коллегой?

– Разговаривала, но он ни о чем таком не упоминал.

– Что ж, Роман, как бы это выразиться... не вполне нормален.

– Неужели?

Лера не так много общалась с подозреваемым, однако ей не показалось, что с ним что-то не так, – ну, если, конечно, не считать потери памяти, реальной или мнимой.

– У него имеется психиатрический диагноз, – подтвердила Луиза.

– Какой?

– Понятия не имею, это же врачебная тайна, а муж не распространялся на эту тему.

– Тогда откуда вы знаете...

– Роман периодически лежит в частной психиатрической клинике, куда устроил его Карл. Я говорила мужу, что в наши дни сироты редко бывают здоровыми, ведь кто оставляет детей в детских домах? Алкоголички, наркоманки и прочие отбросы общества – ну какие у них могут быть отпрыски, сами подумайте!

– Как вы считаете, почему ваш супруг настаивал на усыновлении Романа?

– Полагаю, дело в гибели его родного сына, Георгия.

– Вы его знали?

– Да, конечно, ведь мы давно женаты с Карлом... Были то есть. Близко мы не общались, если вы об этом. Георгий ревновал ко мне отца, ведь его мать умерла, а я, как говорится, заняла ее место – злая мачеха и все такое... Хотя к тому времени он уже вырос и стал самостоятельным, так что воспитывать его в мою задачу, к счастью, не входило!

Интересно, подумала Лера, эта женщина вообще способна на любовь – ну хоть к кому-нибудь, кроме себя? Слава богу, что у нее нет детей: страшно представить, что выросло бы из них рядом с такой матерью! А Карл-то Вагнер куда смотрел, неужели он не видел, что рядом с ним живет бездушное, холодное как рыба существо, которому ни до кого нет дела?!

– Луиза Марковна, а почему следователь Лурье решил, что убийца именно Роман? – спросила Лера, загнав свою неприязнь поглубже. – Вы же сами сказали, что он с вами не жил, так как он мог оказаться в доме?

– Я вижу, Лурье вам ничегошеньки не рассказал! – фыркнула Луиза. – Полиция проверила телефоны и выяснила, что перед гибелью мужа Роман несколько раз ему звонил – и на домашний, и на мобильный телефон.

– Вы считаете, после этого он решил прийти домой к приемному отцу?

– Ну да, чего ж тут странного?

– В этом – ничего, но с чего бы Роману убивать вашего мужа? Они ссорились?

– Мне об этом неизвестно, – пожалала плечами вдова. – Я далека от мысли, что Роман преднамеренно убил Карла. Скорее всего, у него случился приступ неконтролируемого гнева, и он схватил первое, что попало под руку – ту дурацкую саблю...

– Шпагу.

– Неважно! А поняв, что натворил, сбежал... Да, совсем забыла сказать! – спохватилась Луиза. – За пару дней до убийства Роман снова лег в клинику, он делал это регулярно, четырежды в год, и Карл тщательно следил за этим и всегда сам его отвозил. Так вот, когда следователь наведалься туда, выяснилось, что Роман самовольно покинул лечебное учреждение, никого не предупредив, и случилось это в тот самый день, когда убили моего мужа, понимаете? Вот на чем основывается подозрение, а вовсе не на пустом месте, как вам, возможно, казалось!

Лера задумалась. Сказанное Луизой имело смысл – если, конечно, все так и случилось.

– Получается, – медленно проговорила она, – испугавшись, Роман убежал куда глаза глядят и попал под машину... Нет, стоп!

– Что такое? – с подозрением спросила вдова Вагнера.

– Видите ли, когда Вера Сокольская сбила Романа на своем авто, с момента гибели Карла Вагнера прошло почти двое суток!

– Вера Сокольская? – изумленно переспросила Луиза. – Так это она его...

– Вы не знали?

– Нет. С другой стороны, это вряд ли имеет значение! Так что вы имели в виду?

– Ну, смотрите: если Роман покинул место преступления, он где-то провел эти два дня, верно? Полагаю, первым делом Лурье проверил его квартиру и, видимо, не обнаружил его там. Где он мог отсиживаться все это время?

– Откуда же мне знать – я не в курсе, есть ли у Романа близкие друзья, которые могут его приютить!

– А не логичнее ли ему было вернуться в клинику, создав себе алиби?

– Это в том случае, если он мог логически мыслить! – парировала Луиза. – Вы же понимаете, что такой неуравновешенный тип способен позабыть о том, что сделал!

– Вряд ли, – покачала головой Лера. – Если бы дело обстояло так, он спокойно вернулся бы домой, не чувствуя за собой никакой вины.

– Да кто же их разберет, психов этих! – всплеснула руками Луиза. – Я только знаю, что ничего не случилось бы, если бы Карл не вбил себе в голову усыновить этого великовозрастного лба! Но почему вы задаете мне все эти вопросы – разве не проще спросить самого Романа.?

– Есть небольшая загвоздка.

– Что за проблема?

– Роман утверждает, что ничего не помнит.

– Как это? – изумленно вздернула тонко выщипанные брови Луиза. – У него... амнезия, что ли?

– Да.

– Из-за травмы?

– Похоже на то.

– Ну да, очень удобно! – фыркнула вдова. – Вы ему верите?

– Верю я или нет, значения не имеет: важно, что он отказывается сотрудничать, объясняя это потерей памяти. Так что придется самим все выяснить.

– Удачи!

– Были ли у вашего мужа враги? – решила Лера сменить тему, ведь она не собиралась заикливаться на одной-единственной версии, как Лурье. – Среди партнеров по бизнесу, скажем, или работников? Или по линии благотворительности?

– Не знаю, – резко ответила вдова, уставшая от вопроса. – Карл был состоятельным человеком и общался с кучей самого разнообразного народа, но он не делился со мной своими проблемами!

И немудрено, подумала Лера: трудно найти менее подходящую личность, чем Луиза Вагнер, чтобы делиться с ней сокровенным!

– Мне кажется, вы зря пытаетесь искать двойное дно там, где его не существует, – уже более спокойно сказала вдова. – Роман – убийца, каковы бы ни были его мотивы. Лично я считаю, что их не имелось – просто он в очередной раз слетел с катушек! Может, не принял вовремя прописанные препараты, а может... В общем, я не сомневаюсь, что он убил Карла, и вы, если и в самом деле являетесь профессионалом, в этом убедитесь!

– Хорошо, – согласилась Лера, не видя смысла продолжать дискуссию с человеком, который уже принял решение. – Если я правильно поняла, внуки вашего покойного супруга проживают в вашем доме?

– Да. После гибели их отца Карл решил, что с ним близнецам будет лучше. Ольга не возражала.

– А почему они не живут с матерью?

– У нее новый муж, и они с близнецами друг друга на дух не переносят! Поэтому Карл и забрал их сюда, ведь они несовершеннолетние, а потому не могут проживать отдельно. Тем не менее у каждого имеется собственное жилье – дед позаботился... Я говорила Карлу, что он слишком щедр и избаловал внуков: только Эдик, пожалуй, вырос нормальным человеком, а эти двое... Дикие волчата, вот кто они! Наглые, высокомерные – в общем, все в мамашу!

Похоже, вышеперечисленные черты присущи большинству членов семейства Вагнер, пронеслось в голове у Леры: видимо, беседы с ними будут столь же малоприятны, как и с Луизой!

– Скажите, Луиза Марковна, кто наследует вашему мужу – вы?

– Видимо, да. И еще, возможно, Роман, ведь он, хоть и не родной, но усыновлен-то был по всем правилам... Так что нас, скорее всего, двое.

– Вы уверены, что ваш покойный муж не оставил завещания?

– Если и так, то мне об этом неизвестно. С одной стороны, можно предположить, ведь он отличался этакой немецкой педантичностью, унаследованной от предков, перебравшихся в Россию еще при Петре Первом! Однако я звонила адвокату Карла, и он сказал, что муж и ему не говорил ни о каком завещании. В принципе, оно и понятно, ведь Карл отличался отменным здоровьем и был не так уж стар: он вполне мог прожить еще лет десять, а то и больше... Послушайте, Валерия...

– Юрьевна.

– Валерия Юрьевна, да... В тот вечер я не была способна логически мыслить, и, когда Лурье спросил, пропало ли что-то из кабинета, я лишь бегло осмотрелась и, кажется, сказала, что нет...

– А теперь вы сомневаетесь?

– Д-да... Видите ли, под письменным столом Карла стоял маленький сейф – он держал там важные документы.

– И что с сейфом?

– Он пропал. Правда, не могу сказать, случилось это в день убийства или раньше, ведь я редко заходила в кабинет мужа – он это не приветствовал.

– Карл мог забрать сейф, скажем, в свой офис?

– Вполне, но туда у меня доступа нет. Кстати, вскрывать сейф без ключа ни в коем случае нельзя!

– Почему?

– Карл страшно гордился своим сейфом. Он заказал его в Израиле, у какого-то крутого мастера – штучный товар, так он говорил. Сейф с секретом, видите ли: если попытаться вскрыть его без ключа, содержимое будет уничтожено. Не знаю, взорвется, сгорит или химикатами какими-то... Короче, нужен ключ.

– Как он выглядит?

– Понятия не имею! Я обыскала кабинет Карла, но не нашла ничего похожего – видимо, сейф пропал вместе с ключом.

– А кто сейчас занимается делами вашего мужа в фирме?

– Эдуард и его адвокат. Может, они знают про сейф? У меня не было возможности с ними поговорить.

– Хорошо, я у них спрошу, – пообещала Лера. – Еще вопрос: в какой клинике лечился Роман?

Она не особо рассчитывала на ответ: скорее всего, Луиза не интересовалась таким *маловажным* фактом. К ее удивлению, вдова поднялась и вышла из помещения. Через несколько минут она появилась вновь и протянула Лере визитку.

– Вот, – сказала она, – я взяла у Карла. Похоже, ваш коллега следовательно ничем с вами не поделился, а ведь он осмотрел кабинет мужа, перевернув там все вверх дном! Что ж, рада хоть чем-то помочь... Если у вас все, я хотела бы заняться делами: пусть тело еще и у вас, но надо сделать необходимые приготовления – в конце концов, Карл заслуживает, чтобы его похоронили в соответствии с его статусом!

Лера подумала, что это, пожалуй, первые слова вдовы, свидетельствующие о том, что ей не все равно. Хотя, вполне возможно, она лишь пыталась исправить впечатление о себе, создавшееся у следователя.

Покидая дом, Лера уже другими глазами смотрела и на него, и на ухоженный приусадебный участок. Все выглядело благополучно, но за закрытыми дверьми и толстыми стенами бушевали страсти. Не может быть, чтобы Карл Вагнер был счастливым человеком – с такой-то женой и внуками, которых, по ее словам, впору в зоопарке показывать! С другой стороны, Луизу нельзя считать объективной, ведь она практически ни о ком не сказала ни одного доброго слова! Любила ли она мужа? У них была большая разница в возрасте, шестьдесят семь против сорока четырех, но Лера сомневалась не поэтому – скорее потому, что вдова оказалась ей человеком, не способным на сильные чувства. А как насчет остальных членов семьи? Это еще предстояло выяснить. Больше всего Леру мучил вопрос: почему Карл Вагнер принял решение усыновить практически взрослого парня? Если он скорбел по сыну, то почему не взял маленького мальчика, чтобы воспитать его по своему образу и подобию? Или дело в преклонном возрасте: вдруг Карл боялся, что не проживет достаточно долго, чтобы вырастить ребенка и поставить его на ноги? Судя по всему, он любил Романа, иначе с чего бы ему заботиться о нем, лечить, отдавать дорогое жилье – и все это при наличии кровных внуков! Существует ли завещание Карла Вагнера или наследование будет происходить по закону?

Выйдя за ворота и оглянувшись в последний раз на особняк, Лера села в машину и стала вываливать на дорогу, ведущую к шоссе.

* * *

– Привет! – бросила она на ходу, пробегая мимо стола, за которым сидели опера, попивая чаек: было время обеденного перерыва, и в кои-то веки все они находились на своих местах. – Витя, зайди ко мне минут через десять, ОК?

Виктор Логинов, капитан и старший оперативный сотрудник Управления СК, стал последним «приобретением» Леры – она буквально отбила его у коллеги. На самом деле опера не закреплены за следователями, и приходится использовать тех, что в данный момент свободны. Лера так и делала – до определенного момента. Точнее, до того времени, пока не увидела, какую отличную команду собрала Суркова. И тогда ей пришло в голову, что это – великолепный пример совместной работы, когда не приходится каждый раз подстраиваться под новых людей, а можно сколотить небольшой отряд, в котором все знают сильные и слабые стороны друг друга, а потому могут осуществлять свою деятельность с наибольшей эффективностью. Но Лера понимала, что она – не Суркова и что ей придется потрудиться, чтобы заманить к себе приличных оперативных сотрудников. Лучшие, как она знала, работали с Сурковой, но по прошествии некоторого времени Лере удалось отыскать Севаду Падояна, перспективного опера, согласного работать с женщиной, что немаловажно в довольно патриархальном и сексистски настроенном учреждении. Потом Лера буквально выцарапала у начальства Леонида Коневича, очень молодого, но смышленного паренька, которому все равно, с кем работать, лишь бы весело и интересно. Виктор поначалу отказался от предложения Леры, но потом неожиданно принял его. Она недолго гадала почему: Логинов отличался неуживчивым характером и, судя по отзывам, не умел работать в команде, однако в нем присутствовали замечательные лидерские качества, и Лера справедливо решила, что под его началом более покладистые сотрудники добьются больших успехов, а он, в свою очередь, сможет чувствовать себя непререкаемым авторитетом. Так что, после очередной ссоры с коллегами, Виктор перекочевал в лагерь Леры. Она признавала, что ее парням далеко до «сыгранности» оперов Сурковой, но надеялась, что со временем все наладится и они смогут чувствовать друг друга так же хорошо, как музыканты в оркестре.

Войдя в свой закуток, отгороженный от кабинета оперативников пластиковой стенкой, Лера включила чайник: сегодня она еще не завтракала, только купила кофе по дороге и выпила его в машине. Достав из ящика стола пакет соленых крекеров, она принялась хрустеть ими, пока закипала вода, а заодно набрасывать план дальнейших действий. Через несколько минут к ней без стука вошел Виктор. Всего-то лет на пять старше Леры, он относился к ней скорее как старший брат, нежели коллега, – высокомерно и снисходительно, но она надеялась это исправить, доказав ему, что способна руководить расследованием и доводить его до успешного конца. Пока что они работали вместе лишь над одним делом, и у Леры имелись основания ожидать, что дальше будет лучше.

– Ну что там у тебя? – поинтересовался Логинов, плюхаясь на стул напротив Леры. Он вел себя, как большинство привлекательных мужчин в компании симпатичной женщины, – расслабленно и немного игриво. И, пожалуй, чуток фамильярно. Что ж, пока придется с этим мириться: оставалось надеяться, что со временем его поведение, а главное, отношение изменится.

– Нужно допросить членов семейства Вагнер, – ответила она на вопрос опера. – А оно довольно-таки многочисленное! Я уже поболтала с вдовицей...

– Она, конечно же, безутешна?

– Отнюдь! Отвратительная баба, честно говоря, и я просто не понимаю, как ее терпел муж!

– Конечно, не понимаешь, ведь тебе пока что не удалось захомутать миллионера!

– Не понимаю, к чему ты это?

– Да к тому, что для такого «подвига» необходим недюжинный ум, я бы даже сказал, талант – значит, тетка всем этим обладает, раз у нее получилось! Зато теперь она захапает все, я правильно понимаю?

– Не факт!

– В смысле?

– Если завещание отсутствует – а Луиза утверждает, что ничего о нем не знает, – наследниками по закону являются она и Роман Вагнер.

– Ну, Роман-то под следствием! Если мы докажем, что он убийца...

– Вот и надо доказать это – или обратное, как получится! – перебила опера Лера.

– Я готов заняться родичами. Если их много, как ты утверждаешь, поделюсь с Севадой и Леней. Себе оставлю тех, кто покрасивше да помоложе, а они пусть с остальными разбираются! Кто там у нас самый симпатичный?

– Даже не знаю, смогу ли удовлетворить твои потребности! – фыркнула Лера. – Есть внучка Вагнера, но она малолетка...

– Ну уж нет, я не извращенец!

– А еще Ольга, ее мать и вдова Георгия Вагнера, покойного сына Карла.

– Тоже покойного? – нахмурился Виктор.

– И еще пятеро его бывших...

– Пятеро?!

– Включая мать старшего внука, Марину Вагнер. Думаю, у бездетных экс-супруг Георгия вряд ли мог появиться мотив убить бывшего свекра... Хотя поболтать с ними все же стоит. Однако сосредоточиться надо на Ольге и Марине.

– Ну, это уже ближе к делу, – согласился Виктор.

– Надо охватить всех – внуков, включая Эдуарда, старшего, экс-супружниц, адвоката, который может поделиться информацией об истинных отношениях в семье, ведь он достаточно близко с ними общался. Психиатра я беру на себя.

– Какого еще психиатра?

– Который лечил Романа Вагнера.

– Так он псих? Ну, тогда все понятно: только конченый псих мог воспользоваться антикварной шпагой, чтобы заколоть собственного отца!

– Приемного отца.

– Он что, не родной Вагнеру?

Лера покачала головой.

– Сама только что узнала.

– Значит, кровные узы их не связывали – это упрощает дело!

– Думаешь, Роману легче было убить приемного отца?

– А ты так не считаешь? Сама же сказала, что он ненормальный...

– То, что Роман состоит на учете у психиатра, еще не означает, что он маньяк-убийца!

Люди лежат в психушках по самым разным причинам – к примеру, с депрессией, а это – не тот диагноз, который предполагает тягу к убийству!

– Ты предвзята, – заметил Логинов.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, он смазливый, этот Роман Вагнер, не находишь?

– Нахожу, только это не имеет отношения к тому, способен он зарезать кого-то или нет!

– Ну-ну, – усмехнулся Виктор. – Ладно, давай сюда список: попробуем отловить всех поодиночке!

– Тут еще несколько имен, – добавила Лера. – Адвоката я тоже опрошу сама, а вот партнеры и работники офиса Вагнера – на вас, ОК?

– К чему нам его партнеры? – пожал плечами опер. – Разве не очевидно, что дело это – сугубо семейное?

– Признаться, я тоже склоняюсь к такому выводу, но для очистки совести мы должны рассмотреть и эту версию. Кроме того, кто-нибудь из этих людей может что-то знать об истинном характере отношений Карла с родственниками: вдруг они вспомнят какие-то случаи, свидетелями которых они стали, или, скажем, сам Вагнер что-то рассказывал... Короче, список я дала – работайте: необходимо закончить с допросами до похорон, чтобы иметь более или менее ясную картину!

* * *

На доклад к Сурковой Лера шла неохотно: ей не о чем было доложить. Кое-что, конечно, выяснить удалось, но все же недостаточно, чтобы хвалиться хорошо проделанной работой. Однако у Леры создалось впечатление, что начальнице и самой есть что ей сообщить, так как не в ее правилах без нужды подгонять подчиненных.

– Ну, удалось что-нибудь узнать за то малое время, какое у вас было? – поинтересовалась Суркова.

– Я поговорила с вдовой, и она дала кое-какие наводки, – ответила Лера. – Опера побежали по адресам, а я прямо сегодня собираюсь навестить в частную психиатрическую лечебницу, где лечится Роман Вагнер.

– О... так он, выходит, психиатрический больной?

– Получается, так. Честно говоря, я удивилась. Правда, мне всего дважды удалось с ним пообщаться, но он не производит впечатления душевнобольного!

– Ну, мы же с вами в курсе, что диагнозы бывают разные... Не думаю, что вам много удастся вытянуть из работников лечебницы, тем более негосударственной, однако попробуйте... Вы беседовали с адвокатом Вагнера?

– Нет, а что?

– Мне стало известно – даже не спрашивайте откуда, – что адвокат семьи Вагнеров убеждает Романа сознаться в убийстве.

– Правда?

– Похоже, семейство пребывает в убеждении, что он и есть убийца, поэтому и адвокат, работающий на них, подталкивает подозреваемого к этой мысли. Что-то не любят они своего родственника, вам не кажется?

– Ой, Алла Гурьевна, вы же не знаете главного: Роман – не родной сын Карла Вагнера, покойный его усыновил!

– Ах вот в чем дело... Что ж, это многое объясняет!

– Причем, заметьте, Карл сделал это, когда парню исполнилось шестнадцать: нечасто детей забирают в таком возрасте!

– Тут я с вами соглашусь, – кивнула Суркова. – Мне приходилось сталкиваться с органами опеки, и я пришла к выводу, что самый популярный возраст усыновления – до двух лет, следующий – до шести, а после десяти уже практически нет шансов, если только не в профессиональную приемную семью... А Роман усыновлен или взят под опеку?

– Вдова утверждает, что усыновлен: она просила Карла не торопиться и сначала оформить опеку, но тот уперся.

– Занятно... С одной стороны, понять можно, ведь он потерял сына, но с другой – не проще ли взять мальчика помладше?

– Я тоже так считаю, но, видно, у Карла были свои причины!

– Похоже на то. Так вот, возвращаясь к адвокату: Роман, насколько я знаю, отказывается признать вину и продолжает твердить, что ничего не помнит о дне убийства, однако мне кажется, семейный адвокат вряд ли настроен его защищать.

– Предложить ему общественного?

– Дело слишком запутанное, а вы ведь понимаете, что у общественника не будет времени вникнуть в ситуацию. Попробуйте предложить ему Марину Бондаренко!

– Бондаренко?! – изумилась Лера. – Но ведь она дорого стоит, да и вряд ли станет...

– Станет, – перебила девушку Суркова. – Если Роман согласен, я ей позвоню. Но это еще не все. Сегодня утром он загремел в лазарет.

– Что случилось? – встрепенулась Лера и покраснела: ей стало стыдно за то, что Суркова, не имеющая непосредственного отношения к Вагнеру, знает о нем больше, чем она, следователь по делу!

– Похоже, случилась потасовка в камере, где он сидит. Подробности, извините, не знаю.

– Я прямо сейчас поеду!

– Отличная мысль! И держите меня в курсе, ладно?

* * *

Логинов не стал откладывать дело в долгий ящик и, распределив возможных свидетелей между всеми, отправился к Ольге Вагнер. Она проживала в доме сталинской постройки в районе Смольного – там, где располагается так называемая номенклатурная недвижимость, недавно подвергшаяся капремонту, а потому выглядевшая гораздо привлекательнее депрессивных «сталинок», выстроенных когда-то вблизи заводов и фабрик. В таких домах предусматривались лифт и индивидуальные мусоропроводы на кухнях, а также кабинеты, библиотеки, детские и даже комнаты для прислуги. Потолки в квартире, куда Виктора впустила молодая женщина, работавшая у Ольги горничной, превышали три метра, а в гостиной, куда она его проводила, находился отреставрированный камин, выложенный сине-белыми изразцами – неработающий, но дающий представление о том, как выглядело помещение до того, как топку дровами в черте города запретили законом.

Ольга заставила себя ждать, появившись из смежной комнаты лишь через пятнадцать минут. На ней красовался расписной японский халат – видимо, она не сочла оперативного

сотрудника СК достаточно важной персоной для того, чтобы переодеться. Однако, судя по изменившемуся выражению ее лица, можно было предположить, что женщина пожалела об этом при виде симпатичного, неплохо одетого мужчины.

– О чем вы хотели поговорить? – томно взмахнув наращенными ресницами, спросила Ольга, усевшись в мягкое кресло и грациозным жестом указав гостю на соседнее.

– Об убийстве вашего бывшего свекра.

– А-а-а... Ну да, слышала, слышала.

Интересная реакция, подумал Логинов. С другой стороны, Ольга ведь снова вышла замуж, а значит, покойный свекор, если судить по закону, больше не приходится ей родственником!

– А вы слышали, кого подозревают в убийстве?

– Приемного сына Карла?

Значит, Ольга все же следит не только за новостями, но и за жизнью семьи, быть частью которой она давно перестала.

– Верно, – подтвердил опер. – Что вы можете о нем рассказать?

– О Романе? Да ничего! Карл усыновил его, когда Георгий уже погиб, так что...

В этот момент в коридоре раздались какие-то звуки, тихий разговор, после чего в комнату стремительным шагом вошла девушка. Вернее, даже, пожалуй, девочка: она выглядела очень молоденькой и миниатюрной в школьной форме в красную и коричневую клетку, длинных белых гольфах и черных лаковых туфлях. Волосы ее были завязаны в «конский хвост» и туго стянуты на затылке. На вид Виктор дал бы ей не больше пятнадцати, но если это дочь Ольги Эльза, то ей уже стукнуло семнадцать. Значит, она все-таки заходит к матери, хоть и живет у деда?

– Ма, мне нужны мои учебники по китайскому... – начала было она, заметив Логинова, осеклась.

– Они в твоей комнате, – ответила мать. – Ты бы хоть позвонила, если собиралась прийти!

Занятные отношения: дочке, выходит, без предупреждения нельзя появиться в собственном доме?

– Я не собираюсь оставаться! – огрызнулась девица и с интересом окинула опера взглядом. – Вы кто? – спросила она, ничуть не стесняясь.

– Это – человек из Следственного комитета, – ответила Ольга, прежде чем Логинов успел открыть рот.

– Из-за дедушки? – догадалась Эльза и, вместо того чтобы отправиться за книгами, подошла и опустилась на диван напротив матери и Виктора. – Его убили, – добавила она, словно в этом оставались какие-то сомнения. – Вы ищете убийцу?

– Тебе что-нибудь об этом известно?

Девушка покачала головой.

– В тот день мы с братом поехали на день рождения к его другу, – пояснила она. – Так что, когда все произошло, нас в доме не было... Если бы остались, может, дедушка не умер бы? – Она посмотрела на Виктора – как ему показалось, в надежде, что он опровергнет ее слова. Что ж, он бы тоже испытывал чувство вины, если бы такое, не дай бог, произошло с ним!

– Вряд ли, – сказал он. – Скорее всего, вы с братом тоже были бы в опасности... Или вашего деда убили бы в другой день: вы же не можете все время сидеть дома! Ему что, угрожали?

– Угрожали? Дедушке?!

– Просто мне показалось...

– Да нет, я просто подумала, что дедушка находился в доме совсем один, даже слуг отпустили... И Луиза, гадина, усвистала в свой театр – вот нельзя было пропустить, никак!

– Эля, мы же договаривались! – поморщилась Ольга, хотя было очевидно, что ей глубоко наплевать на то, как ее дочурка относится к вдове деда.

– Я правду говорю – гадина она, Луиза! – упрямо вздернула подбородок девочка. – Только собой занята, шляется целыми днями... А вот чем она, спрашивается, занята с утра до вечера? Дед на работу ходит... ходил, то есть, а она?

– Похоже, вы не ладите? – пробормотал Логинов.

– С Луизой-то? Да она же всех ненавидит, за что же ее любить! Постоянно называет нас с Антошкой нахлебниками – дескать, дед слишком много на нас тратит... А нам что, придется убираться из дома, да? Луиза ведь теперь получит все!

– Не стоит торопиться с выводами, – решил успокоить ее опер. – Никто не имеет права выгнать вас из дома, в котором вы проживали столько лет! По крайней мере, до вступления Луизы в права наследования.

На лице девочки появилось выражение облегчения: она определенно не горела желанием возвращаться к матери. Что интересно, на лице Ольги он заметил похожее выражение: это говорило, во-первых, о том, что они – близкие родственники, а во-вторых, что гораздо более занимательно, что мамаша точно так же не ждет с нетерпением возвращения детей!

– Скажи, Эльза, насколько близко ты знаешь Романа Вагнера?

– Рому? Да так... Понимаете, он живет отдельно: дед отдал ему квартиру в центре.

– То есть вы не встречались?

– Ну почему же, встречались – он заходил иногда к деду, и они запирались в кабинете.

– Запирались?

– Мне всегда казалось, что дедушка не хочет, чтобы мы общались, но мне иногда все же удавалось поболтать с Ромой. Он очень умный, много всего знает... Он признался в убийстве?

– Роман ничего не может пояснить по этому поводу.

– Не понимаю...

– Он говорит, что ничего не помнит.

– То есть он память потерял, что ли? Это когда его машиной треснуло?

– Мы пока разбираемся, – ответил Виктор. – По вашим словам выходит, что Роман с Карлом неплохо ладили?

– По-моему, да, – кивнула Эльза. – Во всяком случае, я не слышала, чтобы они ругались... Луиза, правда, побаивалась Рому и старалась держаться подальше всякий раз, как он приходил к деду.

– Побоялась?

– Ну да, он же псих... В смысле, Луиза так говорит.

– А ты как считаешь?

– Я думаю, у человека могут быть психологические проблемы, но это не делает его психом!

– Так ты веришь, что Роман мог убить вашего дедушку в приступе ярости?

– Я никогда его в таком состоянии не видела, поэтому не могу ничего утверждать. Не похоже, чтобы он мог это сделать. С другой стороны, я ведь не знаю его диагноза!

Школьница рассуждала слишком по-взрослому для своих лет, и это смущало Логинова: он привык к тому, что молодежь и двух слов связать не может, предпочитая общаться на смеси текстов СМС и площадной брани. Эльза Вагнер определенно не относилась к таким подросткам: ее рассуждения отличались взвешенностью и осторожностью, что редко присуще людям ее возраста. Она могла бы, к примеру, с уверенностью заявить, что Роман Вагнер – убийца, просто на том основании, что его задержали, а то, что он состоит на психиатрическом учете, лишней раз говорит в пользу этого. Однако девочка не спешит с выводами, и это подчеркивает высокий интеллект, какой не ожидаешь встретить в представительнице ее возрастной категории.

– Луиза переживает, что из кабинета деда пропал сейф, – неожиданно переключилась на другую тему Эльза. – Она думает, что в этом сейфе может находиться что-то важное!

– А ты так не считаешь?

– Дед не хранил деньги дома, – пожала плечами школьница. – Что до документов, думаю, они, скорее, в его офисе... Если вы меня спросите, я знаю, кто убийца!

– Эля! – предупреждая одернула ее мать, подавшись вперед, словно в попытке остановить неожиданный поток откровений.

– А что, я не могу высказать свое мнение? – скривилась дочь.

– Имеешь полное право, – подбодрил девочку Логинов. – Так кто же убийца?

– Луиза, конечно!

– Эля! – снова попыталась вмешаться Ольга, но девушка твердо решила не обращать на мать внимания, продолжив:

– Кто первым оказался на месте преступления? Она! Луиза отличная подозреваемая по двум причинам. Что мы знаем из криминальных романов?

Эльза вперила взгляд в опера, ожидая ответа.

– Что? – поинтересовался он: беседа начинала его забавлять, несмотря на всю серьезность обстоятельств.

– Что жены и мужа – самые вероятные убийцы. А еще тот, кто обнаружил тело и, пытаясь отвести от себя подозрение, вызывает полицию и громче всех причитает!

А девица права, без шуток: именно так все и бывает, если судить по опыту работы Виктора!

– Но у Луизы алиби, – напомнил он.

– Подумаешь, театр! – отмахнулась Эльза. – А что, улики против Ромы так уж непроверяемы? Ну да, лапал он дедовы сабли – так он приходил к нам домой и бывал в его кабинете, вот отпечатки и остались! Думаете, Луиза любила деда?

– Но ведь они прожили долгое время! – неожиданно вмешалась Ольга. – Не забывай, что Карл не вчера на ней женился, а больше десяти лет назад!

– Ну да, она еще молода, а дед старел – скажешь, нет? – возразила Эльза. – Думаешь, он удовлетворял ее в постели?

– Эля! – возмутилась Ольга, но девочка только поморщилась.

– Не будь ханжой, ма! – фыркнула она. – Дед был чуть ли не в два раза старше Луизы, она ему в дочери годилась – неужели непонятно, что рано или поздно она стала бы искать приключений на стороне?!

– Тебе что-то об этом известно? – спросил Логинов, почувствовав, что, возможно, в деле наметился прорыв.

– Мне? – растерялась школьница. – Да нет, не то чтобы... Это скорее предположение, понимаете?

– Никогда не говори того, в чем не уверена! – назидательно сказала Ольга, однако Эльза предпочла проигнорировать ее слова, как и все предыдущие реплики: судя по всему, дочь не уважает мать и относится к ней как к досадной помехе.

– Во всяком случае, – упрямо добавила девочка, – если можно подозревать Рому, то точно так же не стоит снимать подозрения с Луизы, ведь она – лицо заинтересованное!

– В каком смысле?

– Ну, она же должна получить все, верно? В смысле, наследство деда?

– Если ваш дед составил завещание, то наследование по закону не будет иметь места.

– Завещание? – Эльза казалась удивленной. – Разве дед болел?

– С чего вы взяли?

– Зачем писать завещание, если не собираешься умирать?

– Ну, Карлу было под семьдесят, а в таком возрасте каждый задумывается о том, кому достанется все, чем он владеет, – в особенности это касается людей состоятельных, у которых действительно есть что делить.

Судя по всему, на это Эльзе возразить было нечего, поэтому она сочла за лучшее промолчать. Однако хватило ее всего секунд на сорок.

– А про мое алиби вы узнать не желаете? – задала она неожиданный вопрос.

– Ты сказала, что была с братом в чьем-то доме...

– Ну да, и это может подтвердить куча народу! Правда, все были трезвые часов до восьми вечера, а потом...

– Эля, что ты такое несешь?! – неожиданно вспомнила о своих обязанностях Ольга. – Ты же обещала мне, что не станешь...

– Мам, это же день рождения! – огрызнулась девочка. – В любом случае я пила только пиво... ну, и немножко мартини.

– Мы обязательно опросим всех свидетелей, – с серьезным выражением на лице пообещал Логинов. – Адрес дома продиктуешь? И хорошо бы еще телефоны твоих друзей, которые присутствовали на вечеринке!

– Слава богу, что хоть я вне подозрений! – пробормотала Ольга, когда Эльза наконец удалилась в свою комнату в поисках учебника.

– Почему вы так уверены? – спросил Виктор.

– Да потому, что я не получаю ни малейшей выгоды от смерти Карла! – усмехнулась она. – Мы терпеть друг друга не могли, поэтому он ни за что не отписал бы мне даже ржавого гвоздя. А значит, мне не было резона ускорить его отправку на тот свет с целью получения наследства... Кроме того, мой муж неплохо зарабатывает и я ни в чем не нуждаюсь!

И снова Ольга думает лишь о себе: это *ей* нет нужды волноваться о деньгах, а ведь ее дети вынуждены жить в доме мачехи, с которой не ладят, так как проживание вместе с отчимом невозможно из-за сложившихся неприязненных отношений!

* * *

– Честно говоря, я затрудняюсь сказать, что произошло, – развел руками врач медицинского изолятора, приписанный к ИВС, в котором содержался Роман Вагнер. – Вернее, что произошло, известно, а вот почему Вагнер оказался на больничной койке...

– Что вы имеете в виду? – удивилась Лера. – Мне сказали, драка...

– Драка была, только вот ваш подозреваемый не принимал в ней участия.

– То есть напали не на него?

– Определенно нет! Двое поссорились из-за карточного выигрыша, завязалась потасовка, и у одного из них оказалась в руках заточка... Надо еще разобраться, как такое могло случиться!

– А Вагнер?

– Когда дежурный открыл дверь камеры, то обнаружил двоих мужчин на полу без сознания, а остальные наперебой уверяли, что ранен только один.

– Симуляция? – предположила Лера.

– Мне так не кажется, – покачал головой доктор. – У Вагнера нет физических повреждений, но я связался с его лечащим врачом из городской больницы... Он ведь побывал в аварии, вы знали?

Лера кивнула.

– Так вот, врач сообщил, что у Вагнера имеются множественные повреждения, ни одно из которых не угрожает жизни, однако все вкуче они могли привести к долговременной потере

сознания. То, что он не притворялся, сомнению не подлежит – об этом говорят медицинские показатели, перечислением которых я не хочу вас утомлять.

– Понятно. Ну а как он сейчас себя чувствует?

– Пришел в себя, однако компьютерная томография не помешала бы... Только у нас здесь нет возможности ее провести – отсутствует оборудование.

– Я подумаю, что можно сделать. С ним можно пообщаться?

– Попробуйте, – пожал плечами доктор. – Вагнер, похоже, не из говорливых!

Вот и опять Лера находит Романа на больничной койке – кажется, это входит у него в привычку! Он лежал, отвернувшись к стене. Соседняя койка пустовала.

– Пострадавшего в драке пришлось перевезти в городскую больницу, – пояснил доктор. – У нас здесь нет возможности лечить такие серьезные травмы. Что ж, я, пожалуй, вас оставлю – беседуйте.

Когда он покинул помещение, Лера взяла единственный стул, стоявший у обшарпанной стенки, и поставила его рядом с койкой Вагнера.

– Гражданин Вагнер, как самочувствие? – нарочито зычно спросила она.

Тот немного полежал без движения, но потом все же повернулся на бок и посмотрел на Леру. Выглядел он не лучшим образом, отметила она: темные круги под глазами, губы как будто искусаны в кровь – что, черт подери, произошло, ведь доктор уверял ее, что физически Роман не пострадал!

– Нормально, – сухо ответил он. – Спасибо, что спросили.

Во второй фразе явственно прозвучал сарказм – что ж, значит, не так уж ему и худо! А чего он, собственно, хочет? Грохнул дедулю и ждет, что следователь станет с ним цацкаться?!

– Жалобы есть? – спросила она.

– Об этом же вроде адвокат должен спрашивать?

– Я так поняла, вы дали ему отвод.

– Правильно поняли.

– Почему?

– Потому что он настаивал, чтобы я признал вину. Я никого не убивал, поэтому не о чем говорить!

– Откуда вы знаете? Вы же ничего не помните, сами сказали!

– А это не имеет значения: я просто *не мог* этого сделать!

– Вы состоите на учете у психиатра?

– Не помню.

Лера почувствовала, что начинает закипать: не иначе, он издевается!

– Вы хотя бы понимаете, в чем убийстве вас подозревают?

– Я знаю, что в убийстве отца, – так сказал первый следователь.

– Вы вообще ничего не помните, даже свою предыдущую жизнь?

– Как это – предыдущую?

– Карл Вагнер вас усыновил.

– Правда?

Глядя на лицо Романа, Лера не могла понять, врет он или говорит правду.

– Хорошо, а что произошло в камере – это-то вы вряд ли забыли?

– Не забыл. Два мужика подрались, один вытащил нож... вернее, заточку. Вот и все, что я запомнил.

– Доктор говорит, вы отключились.

– Видимо, да.

– Но вас же не трогали?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Доктор сказал, что это, возможно, из-за травмы, полученной в аварии.

Разговаривая с Вагнером, Лера спрашивала себя, что у него может быть за психиатрический диагноз? Несмотря на потерю памяти, реальную или мнимую, Роман вовсе не казался ненормальным. Напротив, речь его была грамотной, выговор – четким и правильным, он не запинаясь, не подыскивая слова и во время беседы спокойно смотрел ей в глаза, не пытаясь отводить взгляд, даже когда Лера задавала неудобные вопросы.

– Вам нужен новый адвокат, – сказала она, поняв, что больше ничего от подозреваемого не добьется.

– Общественный защитник? – уточнил он. Рот его при этом скривился: несмотря на амнезию, Вагнер, видимо, отлично понимал, чем ему это грозит.

– Не совсем. Есть один адвокат... Она очень известная и по большей части имеет дело со знаменитостями. В жизни бы не подумала, что она возьмется за ваше дело, но моя начальница позвонила ей, и, представьте себе, адвокат согласилась!

– В чем подвох? – подозрительно поинтересовался Роман. – Если она дерет за свои услуги втридорога, то имейте в виду, денег у меня нет... Во всяком случае, я так думаю.

– Вам это ничего не будет стоить, – заверила Лера. – Так как, хотите ее?

– Хочу. Мне нужен тот, кто поверит в мою невиновность, а не тот, кто только и мечтает поскорее и поглубже меня закопать!

– Тогда я дам отмашку.

– Скажите, за что вы меня ненавидите, ведь мы раньше не встречались... кажется?

Вопрос Вагнера застал ее врасплох – она даже отпрянула, глядя на него широко раскрытыми глазами.

– Ненавижу? – переспросила она. – Я – вас?

– Да.

Он глядел на нее не отрываясь, и Лера ощутила странный холодок, пробежавший по спине. Не то чтобы она ощутила угрозу, исходящую от допрашиваемого, но ей вдруг показалось – глупо, конечно, – что он видит ее насквозь. Или она и в самом деле не сумела скрыть неприязнь, которую испытала к Вагнеру с самого начала? Неужели он настолько чувствителен?

– Вы ошибаетесь, – ответила она, надеясь, что ее голос звучит ровно. – Все, чего я хочу, – найти преступника и наказать его.

– Но вы же уже решили, что преступник – я, – бесстрастно заметил Вагнер. Что это – протест или капитуляция под давлением неопровержимых улик? И таких ли уж неопровержимых...

* * *

Вторник и воскресенье с недавних пор стали любимыми днями недели Аллы Сурковой. В эти дни она посещала клуб скалолазов и, как правило, встречалась в нем с Мономахом. Именно доктор Князев приобщил ее к спорту, помог адаптироваться и сам взял над ней шефство¹. Поначалу ей приходилось туго: за два года депрессии и жалости к себе, ставшей образом жизни, Алла отвыкла от физической нагрузки, и даже подъем по лестнице в два-три пролета казался ей восхождением на Эверест! Отсюда и набранные двадцать кило, и боль в суставах, и повышенное давление. Мономах объяснил ей, что для молодой женщины такие показатели недопустимы, причем не только отругал ее, не выбирая выражений, но и буквально за руку ввел в новую жизнь. Неудивительно, что Алла, уверенная, что больше не сможет полюбить, начала испытывать теплые чувства к Мономаху. Он определенно считал ее своим другом, однако она сомневалась насчет того, вызывает ли в нем более сильные чувства. На протяжении их обще-

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются».

ния доктор не оставался одинок. Сначала его любовницей, впоследствии оказавшейся убийцей с нарушениями психики, стала красавица-врач. Теперь же, насколько было известно Алле, ее место заняла главврач больницы, в которой трудился Князев. Серьезен ли этот роман, она не знала, как и того, что делать с собственным любовником, частным детективом Дмитрием Негойдой, отношения с которым зашли в тупик, а как из него выбираться, Алла еще не придумала.

– Доброго утра, Алла Гурьевна! – жизнерадостно поприветствовал ее Мономах, уже облаченный в спортивный костюм. – Отлично выглядите!

– Вы тоже, Владимир Всеволодович, – ничуть не покривив душой, ответила она. Чаще ей приходилось видеть хирурга уставшим и озабоченным, но в этот вторник он казался отдохнувшим и безмятежным. Интересно, имеет ли его любовница к этому непосредственное отношение? Как ни старалась, Алла не могла не думать об этой женщине. Странно, ведь вовсе не факт, что, исчезни она из жизни Мономаха, он обратит внимание на Аллу, и все же...

Переодевшись, она приступила к тренировке под чутким руководством своего куратора. Лишь недавно Алла научилась не просто относиться к этим занятиям как к неизбежному злу, но и получать удовольствие – и за это тоже ей нужно благодарить Князева! По прошествии двух часов вымотанная Алла сходила в душ и отправилась в общую комнату, где стоял электрический самовар с горячим чаем. Усевшись напротив Мономаха, который, как обычно, управился с помывкой и переодеванием быстрее ее, Алла с наслаждением сделала большой глоток из глиняной чашки и откинулась на спинку деревянного стула.

– Алла Гурьевна, у меня для вас кое-что есть, – неожиданно сказал доктор. – Вернее, не совсем для вас.

– Заинтриговали!

– Понимаете, когда того парня... ну, Вагнера, утащили из моей больницы, его вещи остались там. Одежду, которая была на нем в момент аварии, я передал следователю, как его...

– Лурье?

– Верно! Но я не рискнул отдать ему вот это. – И Мономах вытащил из кармана джинсов прозрачный пакетик и протянул Алле. На ее ладонь выпало кольцо, широкий ободок из белого золота с разноцветными камнями – скорее всего, рубинами и сапфирами, хотя наверняка определить трудно. Гладкое изнутри, снаружи кольцо имело странную ребристую форму, причем ребра были разной ширины. Алла подумала, что его не очень удобно носить, ведь все эти многочисленные грани непременно станут цепляться за одежду!

– Это принадлежит Вагнеру? – уточнила она, вертя кольцо между пальцами.

– Оно было на нем, когда его доставили, – кивнул Мономах.

– Вы правильно сделали, что не отдали кольцо Лурье, Владимир Всеволодович: в деле теперь новый следователь, а старый упорно не желает сотрудничать!

– Новый следователь – вы?

– Нет, но вы с ней знакомы.

– Та нескладная девица, которая прибежала сразу, как люди Лурье утащили парня?

– Вы догадливы!

– У вас учусь! А эта новая следачка...

– Ее зовут Валерия Медведь.

– Ну и фамилия – для женщины, я имею в виду! Надеюсь, действует она иными методами...

– Лера – хорошая девочка, Владимир Всеволодович! Возможно, она показалась вам чересчур порывистой, но это, согласитесь, свойственно молодости. А та, как известно, недостаток, который быстро проходит. К сожалению.

– Да уж...

– А почему вы так переживаете за Вагнера? Вы же его совсем не знаете!

– Не знаю, но мне кажется, его зря задержали.

– Вот как!

– Видите ли, я, конечно, не физиономист, но, когда постоянно общаешься с людьми, начинаешь немного разбираться в психологии.

– И какое же мнение вы составили о Романа Вагнере? – поинтересовалась Алла. За время их общения она привыкла доверять его интуиции: Мономах не раз оказывался прав, тогда как Алла ошибалась.

– Ну, я тут почитал в интернете об этом семействе и выяснил, что его обвиняют в убийстве отца...

– Приемного отца.

– Что?

– Выяснилось, что Карл Вагнер усыновил Романа в возрасте шестнадцати лет.

– Поздновато... С другой стороны, я же взял опеку над Денисом!

– Но вы – сам себе хозяин, – резонно заметила Алла. – А Карл был женат и проигнорировал мнение супруги, усыновив паренька! Кроме того, если полученная информация верна, Роман состоит на психиатрическом учете.

– Да что вы говорите? – удивился Мономах. – А так и не скажешь...

– Мы пока не делаем далеко идущих выводов, ведь диагнозы бывают разными, – поспешила сказать Алла.

– Так что все обвинение строится лишь на том, что он приемный и психически нестабилен?

– Еще его отпечатки найдены на оружии убийства. Правда, они нечеткие, но все-таки – серьезная улика. Кроме того, у него есть ключи от дома Карла, и, самое главное, у парня отсутствует алиби на момент преступления. Вернее, может, оно и есть, только вот он утверждает, что ничего не помнит.

– Это возможно при такой травме, – сказал Мономах. – Я не нейрохирург, но могу предположить, что он не врет. А как насчет других подозреваемых?

– Видите ли, Владимир Всеволодович, делом Вагнера занимаюсь не я, поэтому, хоть следователь и докладывает мне о промежуточных результатах расследования, я не так глубоко в теме, как она.

– Что ж, понимаю...

– Не волнуйтесь, Валерия, несмотря на молодость, умный и вдумчивый профессионал, и я уверена, что она не ограничится одной-единственной версией! А эту, гм... вещь, я ей, конечно же, передам. Не знаю, значит ли она что-то или нет, но в любом случае Вагнер должен получить назад свою собственность, верно?

* * *

Поболтав по душам с симпатичной секретаршей по имени Юля, Севада выяснил, что старший внук Карла буквально живет на работе, поэтому его офис был самым вероятным местом, где его можно застать. Правда, он частенько ездит в командировки на Урал и в Якутию, где у деда филиалы и где добываются золото и алмазы, которые потом попадают на ювелирный завод под Питером под тем же названием, что и сеть магазинов, – «Малахитовая шкатулка». Завод небольшой, но производит исключительно продукцию класса люкс, причем с использованием только отечественного золота и серебра. Камни же бывают как российскими, так и доставленными из-за границы. Из Мьянмы, к примеру, приезжают знаменитые бирманские рубины, Индия поставляет турмалины и сапфиры, а Бразилия – бирюзу, турмалины параиба и изумруды. Вся эту ценную информацию Севада почерпнул у Юли, пока ожидал ее босса,

поэтому к моменту возвращения Эдуарда Вагнера он имел довольно четкое представление о том, чем тот занимается.

– Убийство бабушки – огромная трагедия! – заявил Эдуард, выяснив, кем является Севада. – К счастью, он успел ввести меня в бизнес задолго до случившегося, иначе все встало бы, ведь наше дело не терпит дилетантизма и проволочек!

По всему было видно, что Эдуард гордится собой – более того, он, похоже, уверен, что ни в чем не уступает деду!

– Как вы узнали о случившемся, Эдуард Георгиевич?

– Мне позвонила Луиза.

– Когда?

– Практически сразу после того, как вызвала полицию.

– И что вы сделали?

– Разумеется, сразу рванул туда!

– Чем вы занимались до звонка мачехи?

– Меня уже об этом спрашивали: я отдыхал дома со своей девушкой. Вернулся в половине восьмого вечера, а до этого находится на работе. Это могут подтвердить охранник и моя секретарша.

– Очень хорошо! Значит, вы присутствовали при обыске кабинета деда?

Эдуард кивнул.

– Эксперты изъяли шпату, которой его... Не представляю, кто мог такое сотворить!

– А вот Луиза уверена, что убийца – Роман. Вы не согласны?

– Дело в том, что я плохо знаком с приемным сыном деда.

– Почему?

– Я все время на работе, а он... Честно говоря, я даже не в курсе, чем он занимается!

Но, знаете, у меня создалось впечатление, что дед держал Романа, как бы это правильнее выразиться... для себя, что ли?

– Как домашнего питомца?

– Да нет, конечно! Просто он... вроде как не очень подпускал его к другим членам семьи, понимаете?

– Не совсем.

– Луиза считает, что это из-за того, что Роман представляет опасность для окружающих.

– Вы о его диагнозе?

– Да я понятия не имею, какой у него диагноз, но Луиза вбила себе в голову, что раз дед консультировал Романа у психиатра, то он непременно является скрытым душегубом!

– А вы, выходит, так не думаете?

– Я же говорю, что плохо знаю Романа! Что же до Луизы... Она никого не любит, вот и говорит гадости обо всех. Интересно, что она обо мне наболтала?

– С ней беседовал не я, но, насколько мне известно, ничего такого Луиза не сказала, – честно ответил Севада. – По-моему, вы – единственный, о ком она отзывалась более или менее положительно.

– Кто бы мог подумать! – В тоне Эдуарда прозвучал откровенный сарказм. – Наверное, это потому, что я редко попадаю ей на глаза – в отличие, к примеру, от близнецов.

– И все же Луиза первому позвонила именно вам, – заметил опер.

– А кому еще ей было звонить – ну не близнецам же! Она и адвокату деда позвонила.

– Он тоже присутствовал на месте убийства?

– Приехал сразу после меня. Он знает процедуру, поэтому следователю и его людям пришлось снизить градус и вести себя более прилично!

– Кстати, что вам известно о сейфе деда?

– О сейфе? – удивился Эдуард.

– Луиза говорит, он пропал.
– Seriously? Что, в... тот вечер?
– Вот в этом-то она и не уверена, поэтому попросила поинтересоваться у вас.
– Но я понятия об этом не имею! Все, что мне известно о сейфе, – его нельзя вскрывать без ключа, иначе содержимое самоуничтожится.

– Как по-вашему, в сейфе могло находиться что-то важное? – спросил Падоян. – Нечто такое, что хотели бы украсть?

– Вряд ли! Скорее всего, дед держал там личные бумаги, ну, может, еще немного наличности... Хотя вряд ли.

– Ваш дедушка когда-нибудь говорил с вами о завещании? – задал вопрос Севада, стараясь по лицу собеседника определить, что он на самом деле думает. Эдуард казался удивленным.

– Есть завещание?

– Ваша мачеха полагает, что нет.

– Конечно, ведь ей это выгодно: если завещания нет, она получает все!

– Вы забываете о Романе.

– А то, что он был усыновлен...

– Не имеет значения: процедура была официальной, а значит, он приобрел все права, какие были бы у родного сына господина Вагнера. Но дело в том, что у него ведь есть еще и внуки, а они не являются бесспорными наследниками в отсутствие завещания!

– Ну, полагаю, это можно оспорить в суде, – пожал плечами Эдуард. – И, скорее всего, иск будет удовлетворен!

– Вы намерены судиться с Луизой?

– Если завещания нет, то – да, разумеется. Меня мало интересует имущество деда, но фирму я ей не отдам: она ее продаст, потому что ни черта не смыслит в бизнесе, а я слишком много работал, чтобы просто так отдать то, чем живу!

Решимость, написанная на лице Эдуарда, не оставляла сомнений, что он сделает так, как говорит.

– Кстати, – добавил он после короткой паузы, – вы не думаете, что если завещание и было, то Луиза могла его уничтожить?

– Зачем?

– Ну, без него ведь она получает большую часть наследства, а с ним – еще неизвестно!

– У вас есть подозрения, что ваш дедушка мог оставить жену без гроша?

Эдуард неопределенно пожал плечами.

– Что Роман-то говорит? – спросил он. – Отрицает свою вину?

– Он ничего не помнит.

– В смысле?

– Роман утверждает, что потерял память после аварии.

– Неужели вы ему верите?

– Лечащий врач считает, что это возможно, но проверить слова Романа мы не можем.

Пока.

Покинув кабинет Вагнера, Севада снова подошел к столу, за которым сидела кокетливая Юля.

– Ну что, вы получили ответы на свои вопросы? – поинтересовалась она.

– На некоторые – да, – улыбнулся он девушке. – Юленька, вы наверняка знаете обо всем, что происходит в компании, я прав?

Зардевшись от удовольствия, она опустила глаза и пробормотала:

– Ну что вы, вряд ли обо всем! – И тут же добавила, словно боясь, что симпатичный оперативник потеряет к ней интерес: – Но кое-что все же становится мне известно, ведь у нас не такой большой штат!

- Скажите, все ли гладко было между Карлом и Эдуардом?
- Что вы имеете в виду?
- Может, у них были какие-то разногласия, споры рабочего плана?
- Ой, я ничего об этом не знаю, честно говоря!

Юля выглядела искренне огорченной: ей очень хотелось быть полезной этому приятному парню с мягкими манерами, который вовсе не походил на полицейских, какими их изображают в детективных сериалах. Он хорошо одевался, и от него пахло дорогим парфюмом, а секретарша Вагнера питала слабость к ухоженным мужчинам.

– Слушайте, – сказал она вдруг, и ее милое личико просветлело, – вам нужно поговорить с Демченко!

- Кто такой этот Демченко?
- Директор по маркетингу. Бывший.
- Почему же бывший?
- Он уволился.
- Когда?
- А вот как Карла Генриховича... Буквально на следующий день. Странно, да?
- Действительно! А как бы мне заполучить его координаты?
- Зайдите в отдел кадров, у них должна быть вся информация.
- Я так и сделаю... Юленька, а что вы обычно делаете после работы?

* * *

Лера впервые оказалась на территории психиатрической лечебницы – раньше как-то не доводилось. Она ожидала ужаса ужасного, но, к собственному удивлению, увидела ухоженную территорию, усаженную цветущими кустарниками и деревьями, подстриженными в виде различных геометрических фигур. Идя по усыпанным гравием аккуратным дорожкам, она вспомнила, что заведение является частным – поэтому, возможно, оно такое милое на вид. Главный корпус больницы оказался тоже весьма впечатляющим, выкрашенным в ослепительно-белый цвет и выгодно выделяющимся на фоне буйной зелени. Лера заметила дворника, усердно метущего крылечко.

Внутри все было так же благостно, как и снаружи: чистые белые стены, светлая мебель и приятная пожилая медсестра у дежурной стойки. Лера представилась и спросила, как ей пройти к главврачу. Источая любезность, медсестра объяснила дорогу и сказала, что на лифте будет удобнее.

– Скажите, а почему у вас нет охраны? – поинтересовалась Лера, прежде чем отправиться в указанном направлении.

– В главном корпусе она не требуется, – ответила та. – Буйные больные содержатся в особом здании в глубине комплекса, туда просто так не пройдешь. Но таких у нас немного, человек пять-шесть всего! Наш основной контингент – люди, проходящие лечение от депрессии и других расстройств, не связанных с проявлениями насилия.

– А где все пациенты? Я никого не встретила по дороге!

– Сейчас у нас тихий час, и все либо отдыхают в палатах, либо играют в настольные игры в общем зале и читают в библиотеке.

«Прям курорт, а не психушка, ни дать ни взять!» – подумала Лера, идя к лифту.

Кабинет главврача располагался на втором этаже. Постучав, Лера получила приглашение войти. Навстречу ей поднялся из-за стола невысокий, плотный мужчина в очках. Его редкие волосы были гладко зачесаны назад, прикрывая намечающуюся лысину. Узнав о цели визита, доктор Сапковский сокрушенно покачал головой.

– Да-а, ужасная история! – пробормотал он. – Карл Генрихович был хорошим человеком... Вы знаете, что он являлся одним из основных спонсоров нашей лечебницы?

Лера покачала головой.

– Это из-за того, что здесь лечился его сын? – спросила она.

– Ну, конечно, из-за этого, – кивнул главврач. – Вы много знаете тех, кто пожелал бы давать деньги на содержание людей с психическими проблемами, если их самих эта беда миновала?

На самом деле Лера об этом не задумывалась, но, пожалуй, в словах Сапковского был резон.

– Вы знаете, при каких обстоятельствах ваш пациент Роман Вагнер оказался задержан?

– Слышал в новостях, – вздохнул доктор.

– Могу я поговорить с его лечащим врачом?

– Вы с ним сейчас разговариваете.

– То есть вы сами...

– Что именно вас интересует?

– Диагноз.

– Ну, вы же понимаете, что такую информацию я вам дать не могу! – развел руками Сапковский.

– А если я приду с ордером?

– Вот тогда – добро пожаловать, а без официального распоряжения...

– Хорошо, тогда давайте сместим акценты. Вы не вправе сказать мне диагноза Вагнера, но вы же можете оценить его состояние, так?

Сапковский осторожно кивнул.

– Роман принимает препараты для снижения уровня агрессии?

– Да бог с вами, какой агрессии – Рома безобиден, как коала!

– То есть, по-вашему, он не мог убить деда?

– Исключено!

– Откуда такая уверенность? – удивилась Лера. – Если имеешь дело с психикой, никогда нельзя сказать наверняка...

– Рома – как раз тот случай, когда можно! – перебил ее доктор. – Он *не способен* причинить вред человеку, не говоря уже о родственнике!

– Вы в курсе, что Роман – приемный сын?

– Я уже и так сказал больше, чем надо, – поджал губы Сапковский. – У вас есть вопросы, не касающиеся запретных тем?

«Да у тебя все темы – запретные!» – подумала она, а вслух ответила:

– Как часто Роман ложится в вашу клинику?

– «Ложится» – не совсем правильный термин. Скорее, он приезжает, чтобы получить очередной курс терапии, и случается это три-четыре раза в год.

– То есть три-четыре раза в год у него случаются обострения?

– Это слово неприменимо к его диагнозу! Речь об обострениях не идет, просто время от времени ему требуется помощь, и я ее оказываю, вот и все. Кстати, сильнодействующие препараты я ему не прописывал.

– А когда Роман в последний раз оказался у вас?

– Совсем недавно, накануне гибели Карла. Строго говоря, в тот самый день он был здесь.

– В смысле? – встрепенулась Лера. – Но Луиза сказала, что в вечер убийства...

– В том-то и дело, что не вечером! Утром и днем Роман присутствовал и в столовой, и в общем зале. У нас с ним состоялся полуторачасовой сеанс терапии, после чего он пошел на обед и исчез.

– Что значит – исчез?

– Мы не следим за пациентами, так как они безопасны. Здесь ведь не тюрьма, и любой может отлучиться, если захочет! Никто не удивился, когда Роман не явился на ужин, и только на следующий день, когда в «Новостях» сказали об убийстве, я кинулся его разыскивать – и не нашел. Позже я узнал, что его обвиняют в преступлении.

– Не будем преувеличивать, – поспешила заметить Лера. – Пока – только подозревают!

– Я не сомневаюсь, что Рома этого не делал! Если бы вы знали то, что известно мне, тоже поняли бы.

– Возможно, но ведь вы не хотите со мной поделиться!

– Не «не хочу», а не могу, – возразил главврач.

– Без разницы. Я вам объясню, как все выглядит со стороны. У Романа Вагнера случилось очередное обострение, и отец уложил его в вашу клинику. В день гибели Карла он неожиданно пропал, оставил свои отпечатки на оружии убийства, а через два дня попал под машину, в результате чего оказался в больнице. Алиби у него отсутствует, а улики на месте преступления – присутствуют: помимо отпечатков пальцев, мы принимаем во внимание тот факт, что у Романа есть ключи от дома отца, и он, скорее всего, знал о существующих в доме правилах.

– Каких правилах?

– Карл обычно отпускал прислугу в пятницу после обеда. То есть Роман мог рассчитывать, что ни с кем не встретится, ведь близнецы, проживающие в доме деда, отправились развлекаться, а жена Карла ушла в театр. Таким образом, можно предположить, что Роман с Карлом поругались, и он, в порыве ярости, заколол его шпагой, которую взял там же, в кабинете отца.

– Глупости! – фыркнул Сапковский. – Если бы Рома дал мне разрешение рассказать вам о его, гм... проблеме, я бы мог это сделать. Почему бы вам с ним не поговорить?

– Я бы с удовольствием, Леонид Андреевич, только вот есть одна загвоздка.

– Какая?

– У него, похоже, амнезия.

– Что?!

– После аварии. Не знаю уж, врет Роман или правду говорит, но он определенно не желает рассказывать, что с ним произошло.

– Или не может?

– Или так.

– Скажите, Валерия...

– Юрьевна.

– Валерия Юрьевна, каковы условия содержания Романа?

– Условия?

– Он в одиночной камере?

– Зачем же в одиночной – он в шестиместной, как обычно...

– Это просто кошмар! – неожиданно воскликнул главврач. – Его нужно немедленно перевести! Неужели у вас нет камер без соседей?!

– Чего вы так всполошились, не пойму? – недоуменно спросила Лера. – Вы же сказали, что Роман безопасен!

– Он – да, а вот другие задержанные...

– Откуда вы знаете? – подозрительно нахмурилась она.

– Знаю что?

– Ну, о драке и о лазарете...

– О каком еще лазарете?!

– В камере случилась драка между двумя задержанными, в результате которой Роман попал в...

– Я так и знал!

– Погодите, он не пострадал – просто, видимо, дала о себе знать травма, полученная во время аварии...

– Да при чем тут травма?! Ему ни в коем случае нельзя находиться вместе с... Кто там с ним, воры, убийцы?

– В основном мошенники. Я не понимаю, из-за чего сыр-бор?

– Просто прислушайтесь к тому, что я говорю! В лазарете – еще куда ни шло, но Роману ни в коем случае нельзя возвращаться в общую камеру. Если уж вы не можете его отпустить под подписку, или как там это у вас называется, пусть сидит отдельно!

– Я подумаю, что можно сделать, – пообещала Лера. – А вы, пожалуйста, опросите сотрудников на предмет того, кто из них и в какое время видел Романа Вагнера в день убийства его отца, хорошо? Мне нужны те, кто общался с ним последним.

– Это ему поможет?

– Надеюсь. Вдруг окажется, что алиби у него все-таки имеется?

– Я все сделаю и сообщу вам в ближайшее время! – заверил ее главврач.

Покинув здание клиники, Лера задумчиво брела по усыпанной гравием дорожке. Она начала приходить к выводу, что с самого начала отнеслась к Роману Вагнеру предвзято. А почему, собственно? Если отбросить очевидную причину – то есть то, что он может оказаться убийцей, – что еще мешает ей быть объективной? Лера с прискорбием вынуждена была себе признать, что для этого существуют всего две причины: он красив и богат! Ну, и где же ее хваленая беспристрастность?! Какие, в сущности, у Романа причины убивать приемного отца? Тот усыновил его, поселил на отдельной жилплощади, дал образование и даже сам возил в клинику, чем бы он там ни страдал, – разве парень не должен испытывать одну только благодарность к человеку, который изменил его жизнь в лучшую сторону? Тогда за что он так жестоко расправился с Карлом?! На этот вопрос Лера пока что ответить не могла. А что, если спросить иначе: кто, помимо Романа, выигрывает от гибели старшего Вагнера? Если существует завещание, его необходимо разыскать, ведь оно может дать ответ на этот важнейший вопрос! В отсутствие завещания вдова Карла и его приемный сын становятся наследниками по закону, но что, если Карл не оставил вопрос с наследством на волю случая, заранее позаботившись о том, кому что достанется?

* * *

Алла свято чтит заведенный у них с Мариной Бондаренко ритуал: раз в месяц они, как бы заняты ни были, встречались в кондитерской, где впервые отметили начало своей дружбы. Случилось это много лет назад после процесса, в котором Алла, молодой тогда работник прокуратуры, проиграла гораздо более опытной старшей коллеге-адвокату. Алла давно перешла работать в СК, а Марина продолжала свою деятельность – изменился разве что уровень достатка ее клиентов. Усевшись за столик, который они обычно занимали, Алла попросила официанта, знавшего подруг в лицо, а потому сверхлюбезного и сверхпредупредительного, принести американо. В ожидании заказа она принялась глазеть в окно. Погода стояла не лучшая: моросил мелкий дождик, хотя было тепло, но здесь, в уютном кафе с милым деревенским интерьером, горел яркий свет и создавалось впечатление, что светит солнце.

Марина вплыла в небольшое помещение в облаке голубого шелка, окутанная ароматом своих любимых французских духов «Елисейские поля». Несмотря на непогоду, ее светлые волосы выглядели безупречно, словно она только что покинула салон красоты. В отличие от Аллы, которая переживала из-за лишнего веса и прилагала много усилий, чтобы похудеть, Марина не стеснялась собственных внушительных габаритов – наоборот, она искренне считала, что вес ее совершенно не портит, и от души жалела худышек, вынужденных тоскливо щипать зеленый салатик, чтобы, не дай боже, не увидеть на весах лишние двести граммов. Весы

Марина считала исключительно кухонным атрибутом: на них можно взвешивать продукты во время готовки, а человек не скотина, чтобы выяснять, сколько в нем жира, мяса и костей!

Легонько клюнув подругу в щеку, Марина опустилась на стул, еще раз обдав Аллу ароматом дорогого парфюма.

– Опять худеешь? – неодобрительно поинтересовалась она.

– Сегодня сделаю себе послабление, – заверила ее Алла.

– Вот и правильно! – просияла адвокатесса. – А то я чувствую себя инквизитором, уплетая пирожные, в то время как ты с кислой миной хлебаешь пустой кофеек!

Официант подошел практически сразу: подруги знали меню наизусть, а поэтому им не требовалось его изучать, чтобы сделать заказ.

– Мне, пожалуйста, еще американо, – попросила Алла. – И шоколадное пирожное.

– А мне, значит, два эклера с белой глазурью, – начала со вкусом перечислять Марина, – корзиночку с фруктами, корзиночку со взбитыми сливками, шоколадный круассан и фисташковое мороженое с кленовым сиропом... И большой капучино!

Как всегда восхищенный аппетитом постоянной клиентки, официант записал все позиции и удалился.

– Ну, как твой Гадес поживает? – поинтересовалась Алла.

Речь шла, разумеется, об Иване Гурнове, заведующем патологоанатомическим отделением больницы, где работал его лучший друг Князев, он же Мономах. Последний и прозвал его Гадесом – из-за занимаемой должности и по аналогии с Аидом, царством мертвых, коим одноименный персонаж повелевал в древнегреческой и древнеримской мифологии. С недавних пор Марина и Иван встречались, и Алле интересно было узнать, как развиваются их отношения.

– Мы съехались, – сообщила адвокатесса, и Алла едва не поперхнулась почти остывшим кофе.

– Ты... ты *пустила* мужчину на свою территорию?! – не поверила она. У ее подруги был железный принцип: ночевать – да, жить – никогда!

– Нет, что ты! – поспешила успокоить ее Марина. – Я к нему переехала.

Это казалось еще более странным: адвокатесса любила свою жилплощадь неистовой любовью, испытывая нездоровую привязанность к каждому предмету, самолично выбранному в магазине, – и как, спрашивается, с таким отношением к собственной «крепости» она решилась на кардинальную перемену в жизни?!

– Придется попотеть, чтобы привести Ванину берлогу в божеский вид, – продолжала между тем Марина. – Несмотря на то что у мужика денег – куры не клюют, он совершенно не умеет создавать уют! Ведь нанимал же дизайнера, представляешь?

Гурнов уже довольно давно получил внушительное наследство от одного из бывших тестей. Несмотря на развод с его дочерью, Иван, едва узнав о болезни старика, принял в его лечении живейшее участие: сначала устроил ему операцию у лучшего специалиста в московской онкологической клинике, ну а потом, когда пришло время, доставал сильнодействующие обезболивающие препараты, чтобы тесть чувствовал себя человеком. Все состояние покойного в результате досталось любимому зятю, в то время как дочь получила лишь небольшое ежемесячное содержание. Она попыталась отобрать у бывшего то, что, как ей представлялось, ей причитается, но тщетно. Однако Иван поступил с экс-супругой благородно: он отдал ей квартиру отца и подкинул немного денег, так что, несмотря на чувство неудовлетворенности от потери жирного куша, жаловаться той было грех!

– Он согласен с твоими идеями? – скептически выгнула бровь Алла: зная Гурнова, она с трудом себе представляла, что он позволит кому-то оспаривать его вкусы.

– Так кто ж его спрашивает, подруженька! – рассмеялась Марина своим гортанным смехом, который всегда имел власть над представителями противоположного пола. – Это – мое условие, и Ваня его принял.

– Что ж, поздравляю! – искренне сказала Алла.

– Знаешь, кажется, я выхожу замуж, – перейдя практически на шепот, добавила адвокатесса.

Алле показалось, что она ослышалась.

– Что, прости? – переспросила она, все еще улыбаясь: слова подруги прозвучали как шутка, ведь Марина была противницей брака и к своим сорока семи годам так ни разу и не сподобилась сходить под венец. Алла была на десять лет моложе и мечтала о создании семьи – и вот такая ирония: если Марина не шутит, она получит то, о чем, в отличие от Аллы, никогда не задумывалась всерьез!

– За-муж, – по слогам повторила адвокатесса, словно смакуя это слово, пробуя его на вкус и сама себе удивляясь. – Можешь себе представить, я – мужняя жена?!

Нет, такого Алла представить не могла. И, как ни старалась радоваться за подругу – а она и вправду была за нее рада, – все же не могла не испытывать толики горечи из-за того, что Марина нашла свое счастье. Или это – обычная зависть?

– Не ожидала, честное слово! – пробормотала Алла просто потому, что необходимо было хоть как-то отреагировать на потрясшую ее новость.

– Думаешь, я ожидала? – усмехнулась адвокатесса. – Да я думала, что так и помру незамужней – что я там не видела-то, замужем!

– Но... ты согласилась?

Вместо ответа Марина протянула ей холеную правую руку, на безымянном пальце которой бесстыже сверкнул неприлично крупный желтый бриллиант. Надо же, а Алла и не заметила на ней помолвочного кольца, ведь Марина любила драгоценности и всегда носила их в изобилии!

– Я размышляю, – добавила она, пока Алла с восхищением разглядывала изысканно простую оправу из белого золота, выгодно подчеркивающую превосходное качество огранки, впитывающей в себя искусственный свет помещения и тут же выплескивающий радужное сияние наружу. – Кольцо мне нравится, поэтому я, пожалуй, приму предложение!

Звучало цинично, но Марина отлично зарабатывает и может позволить себе купить практически любое понравившееся украшение (ну, если, конечно, не считать алмаза «Кохинор»² или, скажем, бриллианта «Орлов»³! Так что если бы она не любила Ивана Гурнова, то вряд ли продалась бы за колечко, пусть и чертовки дорогое!

– Я тебя поздравляю! – сказала Алла, к собственному удивлению почувствовав, что, несмотря на зависть, говорит искренне. – Это просто невероятная новость!

– У меня есть еще одна, которая, возможно, понравится тебе даже больше!

– Только не говори, что ты беременна! – выдохнула Алла.

– Ну, ты хватила – да не дай бог! – замахала руками Марина, едва не задев большой поднос, который, неслышно приблизившись к увлеченным разговором подругам, принес официант: лишь многолетняя выучка и хорошая реакция спасли его от неприятного инцидента. Да еще Алла успела поддержать парня за локоть, и поднос благополучно приземлился на стол. После ухода официанта разговор возобновился.

– Дети, конечно, цветы жизни, только пусть они растут на чужих клумбах! – сказала Марина, взяв с тарелки эклер двумя пальцами и сразу отхватив половину.

² «Кохинор», или «Гора света», принадлежал падишаху Бабуру и позже переходил ко всем правителям империи Великих Моголов.

³ «Орлов» считается крупнейшим бриллиантом Алмазного фонда Московского Кремля.

Об этом пунктике подруги Алле также было известно: не то чтобы она не любила детей, но матерью уж точно становиться не собиралась.

– А теперь давай о наших баранах, – сказала она, прожевав и сделав большой глоток капучино. – В смысле, о парне, которого ты мне подсунула!

– О Романе Вагнере? – уточнила Алла. – Ты уже встречалась с ним?

– Фи, как мелко, подруга! – поморщилась Марина. – Я *уже* забрала его домой под залог!

– Да ты что?! Как тебе удалось?

– Эта твоя девочка, Лера, умница, должна признать: если бы не она, вряд ли что-то вышло бы!

– Что она сделала такого, о чем не знаю я?

– Нашла кое-какие нестыковки в отчете судмедэксперта.

– А именно?

– Во-первых, на шпаге, которой убили Вагнера, обнаружили отпечатки пальцев Романа.

– Я об этом знаю.

– Правой руки.

– И что?

– А то, что Роман Вагнер – левша! С какой стати он взял бы оружие убийства в правую руку, скажи на милость? Валерия специально проверила этот факт, попросив Романа распечатать документы, и он, не задумываясь, сделал это левой рукой!

– Что ж, отличный ход! – заочно похвалила молодого следователя Алла. – Если, конечно, он не амбидекстер⁴ и умело это скрывает... С другой стороны, Роман утверждает, что ничего не помнит, значит, использование правой или левой руки должно быть рефлексивным. Если опять же он не притворяется. Как тебе показалось?

– Мы с ним это не обсуждали, – ответила Марина. – Но ты же понимаешь: даже если бы и так, я все равно не сказала бы тебе!

– Адвокатская тайна, ладно-ладно! – отмахнулась Алла. – Это все?

– А вот и нет! Твоя Валерия показала отчет судмедэксперта нашим спецам, и они в один голос утверждают, что для таких ударов, которые были нанесены покойному, убийце пришлось бы взять шпагу двумя руками – если, конечно, он не профессиональный фехтовальщик!

⁴ Амбидекстер – человек, одинаково хорошо владеющий обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.